

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ТУВИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра всеобщей истории, археологии и документоведения

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Международная политика Китая в Центральной Азии

Работа допущена к защите
Зав. кафедрой, к.и.н., доцент
_____ В.М. Дамдынчап
« _____ » _____ 2020 г.

Работа защищена
« _____ » _____ 2020 г.
С оценкой _____
Председатель ГЭК _____
(подпись)
Члены комиссии _____

(подписи)

студента 4 курса 3 группы очной
формы обучения
направления подготовки 41.03.01
Зарубежное регионоведение
профиль «Азиатские исследования»
(Центральная Азия)
Артай Шораана Артуровна

(подпись)

Научный руководитель: к.и.н.,
доцент кафедры всеобщей истории,
археологии
и документоведения Дамдынчап
Вера Монгушевна

(подпись)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Общая характеристика политики КНР в регионе	12
1.1. Цели и подходы КНР в реализации своей внешней политики	12
1.2. Важность региона для КНР	19
1.3. Интересы КНР в регионе.....	25
Глава 2. Деятельность КНР в Центральной Азии.....	33
2.1. Политика КНР в регионе.....	33
2.2. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики КНР в регионе	43
Заключение	54
Список использованных источников и литературы.....	56

Введение

Китайская Народная Республика является одним из крупнейших акторов в системе современных международных отношений, экономические и политические интересы которого так или иначе затрагивают все регионы мира. Принимая во внимание ярко выраженные региональные направления в китайской экономической и внешнеполитической деятельности за рубежом, представляется интересным провести исследование одного из них. В рамках данной курсовой работы нами был выбран регион Центральной Азии.

Центральная Азия – регион, имеющий границы с Россией на севере и западе, Афганистаном на юге, а также Китаем и Монголией на востоке. В понятие Центральной Азии мы включаем пять стран, образовавшихся в 1991 году вследствие распада СССР - это Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан (Туркмения) и Кыргызстан (Киргизия). Зачастую к региону Центральной Азии некоторые исследователи относят также северо-западные территории Китайской Народной Республики, северные территории Индии и Пакистана, Афганистан и северо-восточный Иран. В рамках данной работы будет использовано более узкое понимание региона.

В настоящее время можно утверждать, что центральноазиатский регион постепенно становится ареной соперничества таких великих держав, как США, Российская Федерация и Китай, которые, являясь основными международными игроками, используют все возможности для продвижения своих внешнеполитических интересов. Страны центральноазиатского региона, со своей стороны, получили возможность маневрировать (например, искать выгоды и защиту от давления с «внешней» стороны).

Важное место Центральной Азии в системе современных международных отношений определяется вполне конкретными факторами – наличием топливно-энергетических ресурсов у стран этого региона, транзитными возможностями, открывающими (или закрывающими) доступ к стратегически важным регионам Южной и Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Эти факторы, а также другие специфические особенности

Центральной Азии позволяют охарактеризовать ее как сегмент (регион) современного многополярного мира, как его особую формирующуюся подсистему.

Актуальность выбранной темы. Проблема международного влияния КНР привлекает широкое внимание со стороны ряда исследователей в области международных отношений. Изучению и переосмыслению подвергается не только глобальная тема «КНР в международных отношениях», но также некоторые региональные направления внешней политики Пекина. Тщательное рассмотрение внешнеполитических целей страны помогает раскрыть проблему региональных направлений. В свою очередь, детальный анализ центральноазиатского региона во внешней политике Китая помогает определить его место на международной арене.

Степень разработанности проблемы. Для достижения цели и решения поставленных задач были использованы труды отечественных и зарубежных исследователей.

Значимость Центральной Азии в современных международных отношениях анализирует Е.Б. Аюшиева в 2003 году. Она отмечает, что в Центральной Азии переплелись в один узел локальные, региональные, и глобальные интересы различных государств¹.

Понятие «мягкой силы» как инструмента внешней политики КНР вводит в обращение Джозефом Най в 2004 году² и развивает в своих поздних работах.

Помимо Джозефа Ная, стратегия «мягкой силы» освещается в работах зарубежных автором С. McGiggert³.

Внешнеполитические концепции политики КНР раскрыты в работах М.В. Мамонова, А.С. Голобокова⁴.

¹ Аюшиева Е.Б. Геополитические интересы России и Китая в Центральноазиатском регионе. автореф. дис. Москва. – 2003. – 20 с.

² Nye, J. Soft Power: The Means to Success In World Politics (Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике) / J. Nye. : Publicaffairs, 2004. — 191 с.

³ McGiggert C. Chinese soft power and its implications for the United States: competition and cooperation in the developing world, a report of the CSIS smart power initiative (Мягкая сила Китая и ее значение для США) // edited by Carola McGiffert, – W.: Center for Strategic and International Studies. – 2009. – 129 с.

В статье Мамонова «Инерция и новации во внешней политике Китая» дается характеристика основных этапов внешнеполитической стратегии Пекина в период с 1990-х годов. Также им сделан прогноз возможных изменений внешнеполитических доктрин КНР после 2010 года⁵.

В работе Малышевой «Центральноазиатский узел мировой политики» анализируются проблемы, связанные с определением места постсоветских государств Центральной Азии в современной мировой политике. Автор дает характеристику центральноазиатского региона и особенностям его политической трансформации. Автор также описывает “многовекторные” международные отношения государств Центральной Азии и взаимодействие с крупными региональными государствами Азии и Среднего Востока. Анализируются перспективы международных отношений и роли в мировой политике центральноазиатских государств⁶.

Политика КНР в регионе Центральной Азии раскрыта в работе А.Е. Мальцева. В статье отмечается, что Центральная Азия является одним из ключевых региональных направлений внешней политики Китая. Так, за последнее время Пекин значительно усилил свое присутствие в регионе и заставил говорить себе, как об одном из ведущих внешних акторов. На основе российской и отчасти западной научной и аналитической литературы предпринимается попытка обозначить основные проблемы, связанные с прогнозированием активности Китая на этом направлении. По итогам обобщения и систематизации взглядов автор приходит к выводу о том, что на сегодня пока еще не сформирован комплексный подход к изучению данного вопроса: большинство ученых признают усиление КНР в регионе, но не дают ответа относительно истинных целей и задач его стратегии⁷.

⁴ Мамонов М.В. Система внешнеполитических приоритетов современного Китая // Современная мировая политика: Прикладной анализ. – Москва: Аспект Пресс, 2009. – С. 419; Голобоков А.С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. - 2010. – № 3. – С. 117-124.

⁵ Мамонов М.В. Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. – 2010. – № 3. – С. 140-156.

⁶ Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики: монография/. – Москва: ИМЭМО РАН, 2010. – 100 с.

⁷ Мальцев А.Е. Особенности политики КНР в Центральной Азии в оценках российских и западных ученых // Сравнительная политика. – 2012. – №4. – С. 17-31.

В докладе Mariani Bernardo «China's role and interests in Central Asia» (Роль и интересы Китая в Центральной Азии) делается попытка описать основные тенденции и принципы внешней политики КНР в регионе до 2012 года⁸.

Монография В.Я. Портякова «Становление Китая как ответственной глобальной державы» представляет собой комплексный анализ внешнеполитических, мирохозяйственных и внутривосточных изменений процесса становления Китайской Народной Республики как ответственной глобальной державы⁹.

Экономическая сторона взаимоотношений КНР и стран Центральной Азии раскрывается в докладе С.Г. Лузянина. Автор приводит данные относительно товарооборота между каждой отдельной страной региона и КНР. Он утверждает, что Китай сегодня является главным поборником экономической интеграции в Центральной Азии через Шанхайскую организацию сотрудничества, при этом в планах у КНР имеется создания зоны свободной торговли. Также автор отметил, что главным партнером в рамках двустороннего сотрудничества для Китая остается Казахстан¹⁰.

Геополитические изменения в Центральной Азии рассматривает Арсентьева. Также автором анализируются расширение сферы влияния Китая и ослабление позиций России¹¹.

Lihua Zhang, Аньган Ху, Вей Ма, Илун Янь¹². Тематика «мягкой силы» описывается также в работе отечественного автора – С.В. Михневича¹³.

⁸ Bernardo Mariani. "China's role and interests in Central Asia" (Роль и интересы Китая в Центральной Азии) // B. Mariani. – London: Safeword: October. – 2013. – 21 с.

⁹ Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы: монография/. – М.: ИДВ РАН. – 2013. – 134 с.

¹⁰ Лузянин С.Г. КНР – Центральная Азия. Сборник докладов «Вызовы безопасности в Центральной Азии». – Москва: ИМЭМО РАН. – 2013. – 150 с.

¹¹ Арсентьева И.И. Политика Китая в Центральной Азии и стратегия России. // Известия Саратовского университета. Международные отношения. – 2014. – Т. 14. Вып. 2. – С. 85-89.

¹² Zhang Lihua. Beijing Focuses on Soft Power (Пекин фокусируется на мягкой силе). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://carnegietsinghua.org/2014/04/28/beijing-focuses-on-soft-power/h9gi> (дата обращения: 02.05.2020); Ху Аньган, Ма Вэй, Янь Илун. «Сычоу чжи лу цзинцзи дай»: чжаньлюэ нэйхань, динвэй хэ шицзянь луцзин [Экономический пояс Шелкового пути: стратегическое содержание, место и пути осуществления] // Цюйюй юй чэнши цзинцзи. – 2014. – №5. – С. 3–13.

¹³ Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. – 2014. – №2. – С. 95-129.

Эволюция внешнеполитических установок КНР раскрывается в работе Е.В. Гулиной. Поэтапно приводятся различные формулировки и стратегии, касающиеся внешней политики. Делается вывод о том, что для Китая, стремящегося наращивать свое международное влияние, внешняя политика больше не является второстепенной по сравнению с приоритетами внутреннего развития¹⁴.

Свою оценку политической ситуации в Центральной Азии дает в своей статье Л.Е. Васильев. Особое внимание в статье уделено основным направлениям политики, которую проводит Китай во взаимоотношениях с государствами центральноазиатского региона¹⁵.

Группа зарубежных авторов E. Rumer, R. Sokolsky, P. Stronski пишут о крупных геополитических сдвигах, создающих основу для возможного усиления конкуренции между великими державами (Россией и Китаем) в Центральной Азии, в то время как регион становится менее гостеприимным для США¹⁶.

Транспортные и энергетические стратегии КНР в центральноазиатском регионе рассматриваются в статьях М. Поштитч, М. Тураевой, А. Ордобаевой, С.Л. Сазоновым¹⁷. Политику КНР в странах Центральной Азии исследуют В. Парамонов, А.С. Мавлонова, М.Ю. Игитян¹⁸.

Чжоу Цзюнь рассматривает вопросы значения стран Центральной Азии в мировой политической системе. Согласно ему, регион Центральной Азии

¹⁴ Гулина Е.В. Внешнеполитический курс КНР: эволюция и тенденции развития // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. – № 5. – С. 22–31.

¹⁵ Васильев Л.Е. Некоторые аспекты политики Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2015. – № 20. – С. 114–118.

¹⁶ Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. U.S. Policy toward Central Asia 3.0. (Политика США в отношении Центральной Азии 3.0). Carnegie endowment for International Peace – 2015. – January. – 45 с.

¹⁷ Поштитч М. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии. Comparative politics. 2015. – №3. – С. 85–103; Ордобаев А. Транспортные коридоры Южной Азии и Кавказа. Институт мировой экономики и политики при Фонде первого президента республики Казахстан — Лидера нации. Астана – 2016. – 48 с.; Тураева М. Основные транспортные проекты в Северной и Центральной Азии в контексте создания общего Евразийского экономического пространства.— Укрепление региональной интеграции развивающихся стран Северной и Центральной Азии, не имеющих выхода к морю, посредством соединяемому инфраструктуры: материалы международной конференции. Кыргызстан. – 2017 – С. 56–84; Сазонов С.Л. Центральноазиатское направление транспортной стратегии Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – № 22. – С. 274–288.

¹⁸ Парамонов В. Китай и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений // Conflict studies research center. 2015 – Т. 5. – 23с.; Мавлонова А.С. Проблема уйгурского сепаратизма в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии. Москва. – 2015. – 221 с.

стал одним из важнейших геополитических центров современного мира. Геополитическая роль региона определяется его межконтинентальной значимостью для торговых и других связей между странами Европы, Ближнего Востока и Азии. Также автор акцентирует внимание на том, что Центральная Азия является уникальным геополитическим «узлом», связывающим четыре ядерные державы — Россию, Китай, Индию и Пакистан¹⁹.

Проблема внешней политики КНР в Центральной Азии подробно разработана рядом зарубежных и отечественных исследователей. Интересам Китайской Народной Республики в регионе Центральной Азии посвящены работы М.А. Ауган, С.Р. Буркутбаевой, А.М. Азмухановой, Г.М. Джумалиловой, Ж.Ж. Амзеновой²⁰.

Про влияние Китая в центральноазиатском регионе и направления его внешнеполитической деятельности пишет Шустов²¹. Геополитические интересы Китая за последнее десятилетие исследуются М.А. Дьконовой, О.А. Тимофеевым, Ф.Ф. Шариповым²². Анализ современного внешнеполитического курса КНР делает в своей работе М.Ю. Игитян²³.

Таким образом, мы видим, что по данной теме написано достаточное количество публикаций. При этом из года в год их количество растет. Проблемы внешней политики Китая в Центральной Азии изучаются российскими и зарубежными исследователями в связи с растущим влиянием Китая на международной арене.

¹⁹ Цзюнь Ч. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование. – 2017. – № 3. – С. 164-171.

²⁰ Ауган М.А., Буркутбаева С.Р. Роль и значимость региона Центральной Азии во внешней политике Китая // Вестник науки и образования. – 2017. – Т. 2. – №5. – С. 116-119; Азмуханова А.М., Джумадилова Г.М., Амзенова Ж.Ж. Интересы Китая в Центральной Азии (аналитическая справка) // Society and security insights // Т. 1. – №3. – 2018. – С. 186-194.

²¹ Александр Шустов. Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии. «Евразия.Эксперт». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentrallyy-azii/> (дата обращения: 10.03.2020).

²² Дьяконова М.А., Тимофеев О.А., Шарипов Ф.Ф. Геополитические интересы Китая в Центральной Азии и Афганистане // 70 лет китайскому государству. Москва. – 2019. – С. 284-292.

²³ Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России // Власть. – 2019. – Т. 27. – №3. – С. 250-259.

Объектом настоящей работы является международная реальность в азиатском регионе, меняющаяся под влиянием глобальных факторов.

В свою очередь, **предметом** здесь выступает многообразие аспектов внешней политики КНР в центральноазиатском регионе.

Целью данной работы является анализ интересов, целей и инструментов внешней политики Китая в Центральной Азии, а также выявление предпосылок геополитических изменений в регионе в условиях усиления позиций Китая и ослабления позиций Российской Федерации и США.

Исходя из поставленной цели, были определены следующие **задачи**, которые необходимо решить в процессе выполнения данной работы:

1. охарактеризовать приоритеты внешней политики Китая;
2. выявить значимость региона Центральной Азии для Китая;
3. дать характеристику «мягкой силе» как одному из инструментов внешней политики КНР в регионе;
4. описать интересы Китая в Центральной Азии;
5. выделить основные направления внешней политики Китая в регионе.

Методология и методы исследования. В настоящей работе наряду с общенаучными методами синтеза и анализа задействованы и методы, характерные для современной теории международных отношений: историко-социологический и системный.

Историко-социологический подход позволяет на основе изучения фактов выявить причины и характеристику внешней политики государства и предположить векторы дальнейшего развития международных отношений. Данный метод раскрывает истинные интересы Китая в изучаемом регионе и раскрывает возможные альтернативы в экономической политике.

Системный подход позволяет фиксировать изменения в международных отношениях и находить связи с эволюцией международной системы, выявлять детерминанты, влияющие на поведение государств. В

рамках системного подхода динамическое измерение международной политики представляет собой анализ процесса принятия решений — своеобразный «фильтр», через который факторы, воздействующие на внешнюю политику, «просеиваются» лицом (лицами), принимающим решение. Следует помнить, что, несмотря на возрастающую целостность и взаимозависимость мира, усиливающуюся интеграцию государств и культур, международные отношения все еще остаются сферой конфликта, столкновения интересов государств. Это оказывает существенное влияние на процесс принятия решения в рамках мировой политики. И этот тезис можно проследить на примере политики Китая в Центральной Азии.

Источниковая база. В процессе работы были использованы различные нормативно-правовые документы: Конституции Китайской Народной Республики от 1982 года (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). Соглашение между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе от 26 апреля 1994 г.; Договор «О партнёрских отношениях дружбы и сотрудничества между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой» от 25 мая 2005 года; Соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой «О кыргызско-китайской государственной границе» от 4 июля 1996 года;²⁴ Дополнительное Соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой «О кыргызско-китайской государственной границе» от 26 августа 1999 года;²⁵ «Соглашение о строительстве четвёртой нитки газопровода Туркмения-Китай» от 3 сентября 2013 года; «Соглашение о таджикско-китайской государственной границе» от 13 августа 1999 года; Документ Госкомитета по делам развития и реформ, Министерства иностранных дел и Министерства коммерции КНР

²⁴ Соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе от 4 июля 1996 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=3058997 (дата обращения: 13.04.2020).

²⁵ Дополнительное Соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе от 26 августа 1999 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17375> (дата обращения: 13.04.2020).

«Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». В работе также использовались доклады съездов Коммунистической Партии Китая.

Другую группу источников составили информация, размещенная на официальных сайтах международных организаций, публикации в средствах массовой информации, а также заявления политиков.

Хронологические рамки. В качестве нижней хронологической рамки выбран конец 1980-х гг., время ускоренного развития центробежных тенденций в СССР и распад СССР. Верхняя граница определена 2020 г.

Территориальные рамки исследования охватывают КНР и страны Центральной Азии – Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Кыргызстан.

Структура обусловлена спецификой рассматриваемой темы, а также целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, включающих в себя пять параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Общая характеристика политики КНР в Центральной Азии

1.1. Цели и подходы КНР в реализации своей внешней политики

В становлении современной внешнеполитической концепции Китайской Народной Республики выделяются несколько этапов.

С 1979 до 1989 годы продолжался период «политики реформ и открытости», предложенный Дэн Сяопином. Внешнеполитический курс КНР того времени был скорее пассивным, и выражался больше в обеспечении страны необходимыми внешними источниками. В 1982 году, на XII съезде ЦК КПК был провозглашён курс на проведение Пекином независимой и самостоятельной внешней политики. КНР, сделав упор на своём внутреннем развитии и внешнем нейтралитете, начинает претендовать на превращение в отдаленной перспективе в центр силы. Конституция тогдашней КНР закрепила следующие внешнеполитические ориентиры: увязка будущего Китая с мировым прогрессом; независимость внешней политики; следование пяти принципам мирного сосуществования; развитие дипломатических отношений; ориентация на экономический и культурный обмен; непризнание империализма, гегемонизма, колониализма и т.п.²⁶.

В докладе Бернардо Мариани приводятся так называемые «Пять принципов мирного сосуществования» (和平共处五项原则), впервые сформулированных в 1954 году. Этими принципами являются: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование.

²⁶ Конституции Китайской Народной Республики 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) // Законодательство Китая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 11.04.2020).

Из вышеизложенных принципов формируется образ Китая как ответственной великой державы (负责任的大国), уважающей суверенитет и культуру других стран²⁷.

По мнению китайских политологов, свыше 150 стран, включая ведущие державы мира (США, Россию и Японию) признали в качестве главной нормативной основы своих отношений с КНР вышеуказанные «пять принципов»²⁸.

В качестве следующего этапа можно выделить десятилетие с 1989 по 1999 гг., отмеченное значительными изменениями мирового масштаба. В эти годы не существовало единого документа по внешнеполитическому курсу, однако появился ряд изменений в самой китайской политике. Китай стал проводить политику «пояса добрососедства» вокруг своих границ, многовекторную дипломатию, начал активные действия в рамках глобальных и региональных многосторонних институтов, что принесло хорошие плоды на практике. Китай воссоединился с Гонконгом и Макао, расширил сотрудничество с соседними странами (в частности с Россией и странами Центральной Азии). КНР более активно начал участвовать в международных процессах. Более того, КНР сам становится инициатором создания новых межгосударственных механизмов взаимодействия (например, «Шанхайской пятерки», далее преобразованную в 2001 г. в Шанхайскую организацию сотрудничества)²⁹.

В 1997 году была озвучена следующая концепция – концепция многополярности. Данная концепция отвечала интересам страны, хотя в самой КНР не считали «многополярность» как свершившийся акт³⁰. По словам тогдашнего министра иностранных дел КНР, мир находился в тот

²⁷ Bernardo Mariani. China's role and interests in Central Asia (Роль и интересы Китая в Центральной Азии) // В. Mariani. — London: Safeword: October 2013. — 21 с.

²⁸ Голобоков А.С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. — 2010. — №3. — С.119.

²⁹ Гулина Е.В. Внешнеполитический курс КНР: эволюция и тенденции развития // Актуальные проблемы современных международных отношений. — 2015. — № 5. — С. 25.

³⁰ Мамонов М.В. Система внешнеполитических приоритетов современного Китая // Современная мировая политика: Прикладной анализ. Москва. — 2009. — С. 419.

момент в переходной фазе, когда только появились предпосылки перехода к многополярной системе международных отношений, когда одна сверхдержава была взаимосвязана и в каком-то отношении конкурировала с рядом других сверхдержав³¹.

К 1999 году обозначились изменения во внешнеполитическом курсе страны. Пекин стал ориентироваться на обретение страной статуса великой державы, которая является не просто пассивным участником международных процессов, но сама участвует в формировании международной системы. Китай перестаёт считать себя региональной державой.

В 2002 году были определены традиционные задачи внешней политики Китая: независимость и самостоятельность внешнего курса, мирный характер, приоритет суверенитета и безопасности государства, следование пяти принципам, неприятие гегемонизма и силовой политики. Китайцы акцентировали внимание на построении мирного международного порядка и благоприятной внешней обстановки, что особенно было актуально на фоне высочайших темпов развития Китая. Выступая на XVI съезде КПК Цзян Цзэминь, говорил: «...первые 20 лет XXI века – это для нас период великих стратегических шансов, за которые необходимо крепко ухватиться, и которые дают возможность многое сделать»³².

Как следствие, в Баосском форуме 3 ноября 2003 китайским политиком Чжэн Бицзяном была высказана идея «мирного подъема» КНР³³. Согласно этой идее, КНР следует продолжить пути социализма с китайской спецификой, одновременно участвуя в экономической глобализации и сохранении мирного международного окружения. Таким образом,

³¹ Suisheng Zhao. Beijing's Perceptions of the International System and Foreign Policy Adjustment after the Tiananmen Incident (Восприятие Пекином международной системы и корректировка внешней политики после инцидента на площади Тяньаньмэнь) // Chinese Foreign Policy. Pragmatism and Strategic Behavior / Suisheng Zhao (ed.). – N.Y., 2004. – P. 142.

³² Доклад Цзян Цзэминя на 16-м Всекитайском съезде КПК // Новости Коммунистической партии Китая. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://russian.cpc.people.com.cn/5774860.html> (дата обращения: 10.04.2020).

³³ China's peaceful rise: Speeches of Zheng Bijian 1997-2004 (Мирный рост Китая: речи Чжэн Бицзяна) // The Brookings Institution Press. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20050616bijianlunch.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

постепенно меняются приоритеты Китая от внутренних реформ к усилению своих позиций на международной арене.

В тот период Китай действительно активизировался, став полноправным участником многосторонних посреднических форматов (например, по ядерным программам КНДР и Пакистана), а также разрешая свои территориальные разногласия и укрепляя межгосударственное сотрудничество.

В дальнейшем руководство Китая отказывается от термина «мирный подъем», заменив его на термин «мирное развитие». В целом, «мирное развитие» продолжает курс «политики добрососедства» и готовность нести международную ответственность.

В свою очередь термин «мирное развитие» меняется на концепцию «гармоничного мира». Данная концепция была предложена на саммите, посвящённом 60-летию ООН. Официально концепция была закреплена на XVII съезде КПК в 2007 году. На съезде снова прозвучала критика любых форм гегемонизма. Китайцы также заявили, что не рассматривают себя на роль гегемона, а рассматривают мир как конкуренцию и сотрудничество государств. Приоритетной задачей становится повышение конкурентоспособности национальной экономики, в связи с чем было необходимо активно участвовать в региональной интеграции, укрепить позиции китайских ТНК, усилить контроль за иностранным капиталом внутри страны.

С того периода Китай позиционирует себя как полноценный участник международных отношений, устанавливает и укрепляет отношения с государствами и международными организациями по всему миру (например, с АСЕАН, БРИКС, ШОС, АТЭС, Восточно-Азиатским саммитом, Азиатско – Европейским советом). Также Китай стал активно сотрудничать в рамках двусторонних отношений. В этот период начинают активно использоваться механизмы «мягкой силы». КНР стал оказывать финансовую и экономическую помощь десяткам государств, используя финансовую

дипломатию и способствуя реформированию всей международной финансовой системы. После мирового финансового кризиса Китай заговорил о создании новой финансовой международной архитектуры и стал использовать юань в своих расчетах.

XVIII съезд КПК продолжил традиционные установки развития КНР. Выступая на съезде, Ху Цзиньтао отметил, что «...значительно усилилась представительность и право голоса Китая» в международных делах. Ху Цзиньтао снова акцентировал внимание на отсутствии у КНР стремления к гегемонии, напротив, при «осознании им роли большой и ответственной страны»³⁴.

Также в докладе Ху Цзиньтао прозвучали и новые идеи. В частности, были озвучены намерения о превращении Китая в «морскую державу» и необходимости умения китайской армии побеждать при «локальных конфликтах» при сохранении оборонительного характера китайской оборонной политики. Таким образом, достигнув ошеломительных результатов в экономическом развитии, Китай теперь должен уделять внимание и военно-стратегическому потенциалу, что, конечно, подтверждает желание Китая стать полноценной мировой державой, а не оставаться только в роли экономического гиганта. В качестве временного ориентира для достижения статуса сверхдержавы обозначается столетний юбилей основания КНР, то есть 2049 г.

Новый председатель КНР Си Цзиньпин в марте 2013 года выступил с заявлением о стремлении реализации концепции «китайской мечты» (возрождение величия китайской мечты). Китайский лидер наметил ориентир в ближайшие 10 лет. Также Си Цзиньпин акцентировал внимание на создании сильной армии³⁵. В своих дальнейших выступлениях Си Цзиньпин отмечал, что КНР, идя путём мирного развития, будет стремиться брать на

³⁴ Ху Цзиньтао, Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической Партии Китая (полный текст). [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204.htm (дата обращения: 13.04.2020).

³⁵ Си Цзиньпин рассказал о китайской мечте. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://utro.ru/articles/2013/03/17/1107323.shtml> (дата обращения: 13.04.2020).

себя больше обязательств и ответственности для поддержки развития мира и человечества³⁶.

В итоге, можно сделать вывод, что начиная с 2010 г. – после выхода КНР на второе место в мире по темпам экономического развития, в Китае появились новые подходы к внешнеполитическому курсу, поскольку политика Дэн Сяопина, на протяжении десятилетий составлявших основу стратегии развития государства, потеряла свою актуальность. Именно по этой причине появляются концепции «соразвития» как параллельного развития всех государств; концепция «гармоничного мира», «совместной ответственности» всех стран как противовес биполярной инициативе США G-2 и идея «активного участия» как переход к более активному позиционированию КНР на мировой арене.

В результате возросшего экономического и политического влияния, Китай не может игнорировать многие вопросы мирового развития, как следствие появляется понятие «ответственная держава». Все это в целом полностью соответствует китайской внешнеполитической философии, когда внутренняя политика неразрывно связана с внешней. Весь остальной мир рассматривается как единое целое во главе с руководителем Китая (ранее императором), задачами которого являются поддержание гармонии и мира как внутри страны, так и за ее пределами.

В целом, примерно с конца 1990-х гг. м подверглись корректировке приоритеты Китая: в экономической сфере происходит переход от политики «открытости» к интеграции в общемировые рынки; во внешнеполитическом курсе происходит переход от обеспечения внешних условий внутреннего развития непосредственно к активному участию в создании нового международного порядка и архитектуры международной безопасности.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, во внешнеполитическом курсе КНР прослеживается тенденция наращивания

³⁶ Председатель КНР Си Цзиньпин о развитии Китая и его внешней политике // Международное радио Китая. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://russian.cri.cn/841/2013/03/19/1s461506.htm> (дата обращения: 13.04.2020).

потенциалов сверхдержавы при сохранении инструментария всех имеющихся установок. Основным приоритетом руководителей КНР по-прежнему остается сохранение стабильности внутри страны, но все больше проявляется заинтересованность в стабильности и за пределами Китая. Во внешнеполитических установках новых руководителей, вероятно, сохранится концепция создания «гармоничного мира». Также можно прогнозировать, что сохранится и высокая важность российско-китайского стратегического партнерства при большей дифференцированности общего подхода Китая к тем или иным государствам в формате сложившихся моделей взаимодействия.

Сегодня мы можем наблюдать стремление Китая к окончательному обретению статуса глобального актора в системе современных международных отношений, возросшую напористость и жесткость КНР в проведении своей внешней политики. Это особенно проявляется при отстаивании так называемых «ключевых национальных интересов», попытки нарастить «мягкую силу» страны, прежде всего за счет более глобального «выхода вовне» китайской культуры. Иными словами, Китай определенно перестает идентифицировать себя как развивающуюся страну.

К началу XXI в. КНР был накоплен серьезный экономический потенциал, чтобы выйти из тени и предложить миру новые глобальные концепции и проекты. В пример можно привести концепцию гармоничного мира Ху Цзиньтао и «китайская мечта» Си Цзиньпина. А из глобальных проектов, предложенных миру Китаем, мы можем отметить такие проекты как проект Один пояс – один путь, Экономический пояс Шелкового пути XXI в., Морской шелковый путь, а также создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций для финансирования инфраструктурных проектов в Азии. Также стоит отметить, что во внешнеполитическом курсе КНР наблюдаются преемственность и взаимодополняемость внешнеполитических концепций, доктрин и принципов, что заметно обогащает внешнеполитические установки, корректирует их и делает более

универсальными, направленными на рост благосостояния и устойчивого развития как самого Китая, так и мирового сообщества.

1.2. Важность региона для КНР

Политика КНР в регионе Центральной Азии начала привлекать внимание исследователей, начиная с 1991 года. Начиная с этого момента, после образования независимых государств, Китай начинает проводить последовательную политику в регионе, до этого являвшемся частью влияния СССР.

Значимость региона центральноазиатского региона для Китая определяется в первую очередь его географическим положением. Центральноазиатский регион (или Средняя Азия, как называли регион в древности), издавна имеют особое значение для Евразии. Выгодное расположение на пересечении древних торговых путей, территория, с которой удобно контролировать в политическом и экономическом плане многие страны в регионе, наличие природных ресурсов всегда привлекали интерес различных держав. Центральная Азия на сегодняшний день является одним из основных поставщиков энергетических ресурсов для КНР, а также важным транзитным коридором, соединяющим его с Европой³⁷.

Важность региона для КНР определяется четырьмя ведущими факторами: это обеспечение внутренней безопасности и национального единства; поддержание стабильности, предсказуемости и секулярности стран региона; увеличение китайского влияния в регионе; и продвижение собственных экономических интересов в регионе. Данные четыре фактора взаимосвязаны между собой³⁸.

Энергетический и экономические векторы в рамках сотрудничества между странами региона и КНР считаются ключевыми в плане определения

³⁷ Дьяконова М.А., Тимофеев О.А., Шарипов Ф.Ф. Геополитические интересы Китая в Центральной Азии и Афганистане // 70 лет китайскому государству. Москва. – 2019. – С. 284-292.

³⁸ Азмуханова А.М., Джумадилова Г.М., Амзенова Ж.Ж. Интересы Китая в Центральной Азии (аналитическая справка) // Society and security insights // Т. 1. – №5. – 2018. – С. 186.

внешнеполитического курса. В этом отношении существуют два типа подхода и отношений между государствами, где энергетический фактор является ключевым для Пекина. По одной из причин, из-за которой Пекин так серьезно относится к реализации своей энергетического курса, является то, что регионы Ближнего Востока, подвержены определенным геополитическим рискам, в ходе которых существует угроза для поставок энергоресурсов. В этом случае, запас энергоресурсов центральноазиатского региона выполняют дополнительную функцию. Стратегией Китая в этой сфере являются вливания инвестиций в энергетическую и транспортную области, которые нужны для поддержания энергетической безопасности Китая.

Товарооборот между странами Центральной Азии и КНР берет начинается в 1990-х годах. Одним из показателей развития взаимной торговли является увеличение торгового оборота между странами: объем товарооборота между Китаем и странами Центральной Азии вырос с \$ 400 млн. в 1992 году до \$ 10 млрд. в 2006 году, что в 25 раз больше. В 2010 году объем торговли в Центральной Азии с Китаем превысил \$ 30 млрд. Китай и государства Центральной Азии наладили настолько прочные экономические связи, что КНР открыло свои представительства Министерства коммерции при КНР во всех странах региона³⁹.

Естественным образом Китай заинтересован в активном участии в центральноазиатском рынке газа. В 2006 году китайская компания CNPC подписывает договор о строительстве газового трубопровода с правительством Казахстана. В Июле 2008 года между CNPC и КазМунайГаз было подписано уже второе соглашение о строительстве и эксплуатации газопровода. Начиная с правого берега Амударьи, газопровод охватывает только 180 км на туркменской территории до Туркмено–Узбекской границы и имеет протяженность более чем 500 км, пересекая Узбекистан, и обладает

³⁹Ауган М.А., Буркутбаева С.Р. Роль и значимость региона Центральной Азии во внешней политике Китая // Вестник науки и образования. Т. 2. – №5. – С. 116-119.

примерной протяженностью 1300 км, пересекая Казахстан, не доходя Синьцзян через Шымкент и Хоргос.

Строительство второй линии газопровода начинается в 2010 г. Строительство третьей линии газопровода, направленное на доставку газа из Туркменистана, Узбекистана и Казахстана в Китай, началось в 2012 году. И уже к декабрю 2015 года объемы доставок газа увеличились на 65 миллионов кубических метров, что действительно соответствует энергетическим потребностям Китая⁴⁰.

Сектор нефтепровода между Китаем и Казахстаном был представлен в декабре 2009 г. во время визита президента Ху Цзиньтао в Казахстан.

Согласно своей энергетической стратегии, регион Центральной Азии рассматривается Китаем как важнейший поставщик ресурсов, которые необходимы для поддержания нормального экономического роста Китая.

Проблемы безопасности региона Центральной Азии входят в систему интересов Китая, России, и, конечно, самих стран региона. Главными условиями сотрудничества между странами региона, стало урегулирование территориальных разногласий между бывшими странами Советского Союза и Китаем. Спорные моменты были урегулированы к 1996. Перед Китаем стала задача усилить своё влияние в регионе. При инициативе КНР создаётся организация «Шанхайской пятерки» - куда вошли Россия, Китай, Киргизия, Казахстан и Таджикистан, принимавшие участие в разрешении территориальных разногласий. Пекин решил эту проблему путем институционализации своих отношений в регионе. Существуют две явные тенденции китайской внешней политики: с одной стороны Китай в своей дипломатической стратегии отдает предпочтение двухстороннему формату отношений, как это было и с разрешением территориальных разногласий с пост советскими странами; а с другой стороны, Китаю как новому актору в регионе необходимо было провести институционализацию отношений в

⁴⁰Канцелярия Советника по торгово-экономическим вопросам Посольства Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian1.china.org.cn/russian/143324.htm/> (дата обращения: 14.04.2020).

регионе, для систематизации своих действий с другими участниками региона. Основные пункты сотрудничества в регионе, в рамках Шанхайской организации сотрудничества выглядят следующим образом:

- Урегулирование территориальных вопросов;
- Проблемы военной безопасности;
- Противодействие терроризму, экстремизму, сепаратизму;
- Сотрудничество в экономической.

Политика безопасности КНР в регионе относится к противодействию сепаратизму в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В данном отношении, произошло пересечение национальных интересов стран-участников ШОС: КНР – нестабильность в Синьцзяне, гражданская война в Таджикистане, вторжение боевиков ИДУ в Кыргызстане и Узбекистане и война на Кавказе. Данные события привели к формированию анти террористических механизмов ШОС. Примечательно, что анти террористические механизмы ШОС включают в себя обмен разведанными между странами – членами ШОС и военные учения⁴¹.

Вторым направлением политики безопасности Китая в Центральной Азии стало поддержание регионального баланса в рамках ШОС. Период первой половины 2000-х годов был наступательным в плане политики администрации Буша. Одним из направлений данной политики стало поддержание Вашингтоном «цветных революций» на пост советском пространстве, и анти террористическая операция в Афганистане. Суть заключалась в наращивании американского присутствия в регионе: приход к власти прозападных сил и размещение сети американских военных баз, которые были вовлечены в Афганистане (Ханабад в Узбекистане и Манас в Кыргызстане). Китай и Россия, а также местные режимы поддерживали инициативу поддержания регионального баланса, целью которого являлось сохранения статус-кво. Как мы видим, стратегия и политика Вашингтона

⁴¹ Ауган М.А., Буркутбаева С.Р. Роль и значимость региона Центральной Азии во внешней политике Китая // Вестник науки и образования. Т. 2. – №5. – С. 116-119.

была направлена на преобразование региона в рамках доктрины Большой Центральной Азии. Это, несомненно, представляло угрозу для национальных интересов и безопасности России и Китая, а также местных режимов: для России это выражалось в сокращении своего влияния на регион ЦА, как традиционной сферы влияния; угроза для Китая заключается, в окружении Китая, по его периферии дружественными Америке государствами; для местных режимов – сохранение своей власти. Пиком российско-китайского и центральноазиатского взаимодействия стала Астанинская декларация 2005 года. Основным содержанием Астанинской декларации стало заявление стран – участников ШОС о необходимости вывода военных баз США из региона: Карши - Ханабада в Узбекистане и Манас в Кыргызстане. Таким образом, можно сказать, что ШОС выполняет две основные функции, где первая - это поддержание антитеррористической деятельности ШОС в регионе, и поддержание внутрорегионального баланса между Россией и Китаем в Центральной Азии.

Также политика безопасности Китая в центральноазиатском регионе формируется еще и через призму общественных отношений и восприятия, в этом отношении, как мы знаем, выделяются два направления - это российское и центральноазиатское. Восприятие базируется на синофобии - боязни роста и влияния Китая. Синофобское понимание и восприятие Китая построено на двух принципах: первый - это военный о том, что Китай способен или будет способным в будущем проецировать свою военную мощь в регионе, для достижения своих целей или территориальной экспансии. Второе восприятие, основано на принципах «тихой экспансий», где говорится об экономическом и демографическом присутствии Китая в регионе, где обязательно первыми странами, оказавшимся под влиянием Китая станут Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Принимая во внимание внутренние, как и китайские, так и региональные особенности, китайская угроза преувеличена, и политика безопасности Китая в основном построена

на обеспечении стабильных энергетических поставок и безопасности СУАР с сосредоточением на территориальной целостности.

С точки зрения Васильева, Центральная Азия становится одним из первых регионов, за исключением Юго-Восточной Азии, где КНР обозначила цель закрепления и наращивания своего политического и экономического присутствия, и рассматривается как «стратегический тыл». Причинами подобной значимости являются следующие факторы:

Во-первых, политическая слабость центральноазиатских государств и активная деятельность сепаратистов и исламских экстремистов ставят под угрозу стабильность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, вынуждая руководство КНР фокусироваться на сотрудничестве в сфере безопасности. Стабильность в регионе Центральной Азии напрямую влияет на стабильность в западных регионах Китая, в первую очередь в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Из 11 миллионов уйгуров, 10 миллионов живут в Китае, и от 300 тысяч до миллиона – в государствах Центральной Азии. Учитывая размеры провинции, любые этнические беспорядки и призывы к отделению могут дестабилизировать политическую ситуацию во всем Китае. Именно по этим причинам для Китая так важна борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Решение этой проблемы КНР видит в экономическом развитии Синьцзяна, которое напрямую зависит от торговых взаимоотношений провинции со странами Центральной Азии.

Во-вторых, Китай частично зависит от поставок энергоресурсов из региона для обеспечения собственного внутреннего экономического развития.

В-третьих, глобальный характер китайских интересов обуславливает его присутствие во всех регионах мира.

В-четвертых, потенциальное военное присутствие военных блоков западных государств в регионе требует от КНР постоянного контроля над ситуацией с целью недопущения военной экспансии⁴².

Пекин в настоящее время поддерживает большинство проектов, связанных с возрождением так называемого Великого шелкового пути, превращая Центральную Азию в свое транзитное пространство для продвижения экспорта в Европу.

1.3. Интересы КНР в регионе

Распад Советского Союза, безусловно, стал событием, положившим начало новому историческому этапу развития в отношениях между государствами Центральной Азии и Китаем.

Центральная Азия (под которой ныне понимается территория бывших республик советской Средней Азии и Казахстана) является одним из стратегически важных регионов постсоветского пространства.

Центральная Азия стала значимым объектом китайской внешней политики. Центральноазиатский регион вошёл в так называемую сферу внешних стратегических рубежей КНР, которая прямо затрагивает его национально-государственные интересы. Как пишет китайский исследователь Ч. Цзюнь, «повышенный интерес ведущих и региональных государств к Центральной Азии определяется объективным и выгодным экономико-географическим и военно-стратегическим положением данного региона, а также богатейшими запасами минерального и энергетического сырья, дешевыми трудовыми ресурсами, транспортно-коммуникативными возможностями и потенциалом»⁴³.

По словам В. Парамонова, «с обретением в 1991 году странами Центральной Азии национальной независимости, казалось бы, открылись широкие перспективы для развития взаимовыгодного экономического

⁴²Васильев Л.Е. Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС // Мировые державы в Центральной Азии / сост. Л.Е. Васильев. Москва – 2011. – С. 12.

⁴³Цзюнь Ч. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование. – 2017. – № 3. – С. 164-171.

сотрудничества как с Китаем, так и с Россией. Логично было предположить, что, как и в период существования Великого шелкового пути, именно торговля могла бы стать локомотивом экономического подъема и процветания внутренних пространств Евразии»⁴⁴.

Китай стремится реализовать свою внешнеполитическую стратегию в регионе с учетом следующих своих основных национальных интересов.

1. Обеспечение стабильности на своих беспокойных северо-западных границах и в пограничных районах. Общая граница КНР со странами Центральной Азии протяженностью около 3 700 км требует особого внимания со стороны китайского руководства. Помимо Тайваня, именно с западного направления, как считают в Пекине, исходят в настоящее время основные угрозы стабильности, суверенитету и целостности КНР. Надо отметить, что интересы Китая в Средней Азии развивались поэтапно. В первой половине 90-х годов приоритетным направлением была демилитаризация границ и подписание договоров об их разграничении и предотвращение усиления сепаратизма в Уйгуре».

Демократические свободы, получившие развитие в странах центральноазиатского региона, создали благоприятные условия для активизации уйгурских организаций различного толка. По словам А.Н. Мавлоновой, «наличие на территории Казахстана уйгурских националистических организаций было для Н. Назарбаева козырной картой в ходе переговоров с Пекином. Как раз именно в тот период Казахстан и Китай вели сложные переговоры по подписанию соглашения о межгосударственной границе»⁴⁵.

Китай, допуская возможность развития отношений Центральной Азии и Турции, с особым вниманием отслеживает подрывные аспекты данной региональной стратегии Анкары. Руководство КНР обеспокоено приливом

⁴⁴Парамонов В. Китай и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений // Conflict studies research center. Т. 5. – С.12.

⁴⁵ Мавлонова А.С. Проблема уйгурского сепаратизма в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии. Москва – 2015. – С. 221.

тюркского национализма из стран Центральной Азии. Именно на этот случай Китай держит в СУАР мощную военную группировку, которая определяется не только и не столько пограничным положением самой провинции, сколько необходимостью подавления любого этнополитического сопротивления уйгурских националистических групп.

2. Развитие западных районов КНР и снижение отставания в экономическом развитии прибрежных и внутренних районов за счет усиления торгово-экономического сотрудничества западных провинций со странами Центральной Азии и с Турцией. В результате «Китай сегодня является главным внешнеэкономическим партнером Центральной Азии и основным инвестором экономик государств региона». По данным министерства торговли КНР, в 1992 г. общий объем торговли с этим регионом составил 460 млн долл., а в 2015 г. этот показатель достиг уже 32,6 млрд до⁴⁶. Кроме этого, следует отметить, что одно из важных экономических направлений политики Китая в регионе – формирование зон свободной торговли в приграничных с КНР регионах⁴⁷.

3. Обеспечение гарантированного доступа к источникам энергии для своей растущей промышленности. Одним из источников нефтяных и газовых поставок в Китай выступает Казахстан. Основной сферой финансовых инвестиций Китая в рынок Казахстана выступает нефтегазовая промышленность. Туркменистан является вторым важнейшим энергетическим партнером Китая в регионе, а энергетика является наиболее приоритетной сферой двустороннего экономического сотрудничества. Значительную роль для стимулирования развития сотрудничества в области энергетики играют китайские инвестиции и кредиты. «В частности, в 2013 г. объем предоставленных Китаем кредитов превысил 3 млрд долл.»⁴⁸. И здесь

⁴⁶ Ежегодный статистический справочник КНР. – National Bureau of Statistics of China. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> (дата обращения: 13.04.2020).

⁴⁷ Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России // Власть. – 2019. – Т. 27. – №3. – С. 250-259.

⁴⁸ Ларин А.Г., Матвеев В.А. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь». — Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №5. – С. 5-15.

можно согласиться с мнением Потич о том, что «можно утверждать, что между Китаем и странами региона сложилась определенная взаимодополняемость экономических интересов: странам Центральной Азии необходимы китайские инвестиции для разработки своих месторождений нефти и газа, а также для развития соответствующих отраслей экономики; Китаю же нужны новые рынки сбыта для своей продукции, а также новые источники импорта энергоресурсов»⁴⁹. Таким образом, энергетические ресурсы региона Центральной Азии входят в круг особых интересов Пекина, и получение прямого доступа к ним становится важной региональной задачей Китая.

4. Формирование надежных транспортных транзитных коридоров с целью выйти выхода на рынки стран СНГ и Европы. «Прямое сообщение между центральными и западными регионами Китая с Центральной и южной Азией позволит получить прямой доступ китайских товаров на рынки регионов и снизит транспортные издержки»⁵⁰. Что же касается транспортно-транзитной политики стран Центральной Азии, то, как пишет Тураева, «основная задача транспортных проектов в Северной и Центральной Азии – это вывод стран региона в число транзитных государств и создание альтернативных мультимодальных коридоров, в основном по пути широтного направления “Восток – Запад” (условного маршрута “Китай–Европа”), а также по меридиональному направлению “Север – юг”»⁵¹.

Напомним, что у КНР уже есть выход на Казахстан через железнодорожную станцию «Дружба» и автомобильную дорогу через КПП «Хоргос», а также имеются планы провести железную дорогу протяженностью 296 км от станции Цзиньхэ Северо-Синьцзянской

⁴⁹ Поштит М. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии // *Comparative politics*. – 2015. – №3. – С. 85-103.

⁵⁰ Ордабаев А. Транспортные коридоры Южной Азии и Кавказа // Институт мировой экономики и политики при Фонде первого президента республики Казахстан — Лидера нации. Астана – 2016. – 48 с.

⁵¹ Тураева М. Основные транспортные проекты в Северной и Центральной Азии в контексте создания общего Евразийского экономического пространства // Укрепление региональной интеграции развивающихся стран Северной и Центральной Азии, не имеющих выхода к морю, посредством соединяемому инфраструктуры: материалы международной конференции. Кыргызстан. – 2017. С. 56-84.

железнодорожной магистрали до города Кульджи и далее до КПП «Хоргос»⁵².

5. Ещё одним направлением, в определенной степени определяющим внешнеполитическую деятельность КНР в регионе, является стремление за счет распространения своего влияния в Центральную Азию оказать противодействие однополярной системе и главенствующему положению США на экономическом, политическом и военном уровнях.

По мнению экспертов, за последнее время Китай, все более набирающий экономическую и военную силу, становится одним из основных геополитических акторов, оказывающим растущее влияние на развитие ситуации в регионе⁵³. Вместе с тем нужно сказать, что в первой половине 1990-х гг. Китай не проявлял видимой активности в Центрально-Азиатском регионе. Установив дипломатические отношения с государствами Центральной Азии в 1992 г., Пекин был заинтересован прежде всего в сохранении политической стабильности в СУАР. Однако проявившиеся в последующем политические реалии в Центральной Азии (нарастание угрозы исламского фундаментализма, борьба за углеводородные ресурсы региона, поиски государствами региона внешних партнеров и т.д.) побудили Пекин перейти к более активным политическим действиям и со второй половины 1990-х гг. усилить свое влияние в данном регионе.

Во внешнеэкономических связях с КНР лидирует Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан. Китай стал вторым по важности экспортным рынком для таких государств Центрально-Азиатского региона, как Казахстан и Кыргызстан.

По мнению экспертов Института Азиатского банка развития (ИАБР), «торговля между Центральной Азией и странами Восточной Азии (Китайская Народная Республика [КНР], Япония и южная Корея) начала приобретать

⁵² Сазонов С.Л. Центральноазиатское направление транспортной стратегии Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – № 22. – С. 274-288.

⁵³ Васильев Л.Е. Некоторые аспекты политики Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2015. – № 20. – С. 114-118.

значение лишь в последнем десятилетии, хотя ее объемы все еще меньше объемов торговли с Европейским союзом»

Как представляется, сегодня в целом центральноазиатско-китайские экономические связи следует больше анализировать под углом стратегии и перспектив, которые имеют огромные потенциалы: «практически все центральноазиатские страны имеют амбициозные планы перехода от экспорта сырья к экспорту продукции/услуг с более высокой долей добавленной стоимости. Наиболее естественными рынками для таких товаров и услуг являются соседние страны. С этой точки зрения представляется, что региональная торговая политика должна занимать важное место в политической повестке дня стран Центральной Азии.

В целом, несмотря на то, что внешнеторговый оборот КНР с Центральной Азией еще не достигает потенциально возможных объемов, в сложившемся балансе интересов в регионе между КНР, Россией и США Китай прочно укрепился на одной из трех стратегических ниш, а именно товарно-сырьевой, осуществляя в регион экспорт своих товаров и импорт сырьевых ресурсов.

Появление в 2000-х годах военных баз США и их союзников на территории Кыргызстана и Узбекистана вызвало опасения Китая, т.к. Китай, опять же в отличие от России, не стремится закрепиться в регионе Центральной Азии военным путём, расположив здесь военные базы. Отдельные китайские эксперты открыто заявили, что эти базы в отдаленной перспективе направлены против Китая и что операция в Афганистане является лишь поводом для сосредоточения военной инфраструктуры США у западных границ КНР. Кроме этого, в Китае «в действиях Вашингтона по дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке и в Центральной Азии видят прямую угрозу национальной безопасности КНР»⁵⁴.

⁵⁴ Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. U.S. Policy toward Central Asia 3.0. (Политика США в отношении Центральной Азии 3.0). Carnegie endowment for International Peace – 2015. – January. – С. 35.

Изменившаяся геополитическая обстановка в Центральной Азии после 11 сентября, усиление позиций и военное присутствие США в Центральной Азии в 2001–2013 гг. входят в противоречие с планами Китая по всем вышеперечисленным пунктам национальных интересов.

Во-первых, как верно выделила Е.Б. Аюшиева, «военное присутствие иностранных держав в непосредственной близости от Синьцзяна создает потенциальную угрозу национальной безопасности и территориальной целостности Китая»⁵⁵.

Во-вторых, в результате усиления США в регионе реально появились условия, препятствующие реализации программы развития западных районов КНР.

В-третьих, Китай, который чрезвычайно заинтересован в энергоресурсах стран Центральной Азии (в первую очередь в казахстанской нефти), не может не тревожить тенденция закрепления Вашингтона на богатых месторождениях региона, особенно в зоне Каспийского бассейна, с перспективой монополизации этой сферы и закрепления за собой права определения направлений, масштабов и способов транспортировки энергетических ресурсов на мировые рынки. Такая перспектива несет потенциальную угрозу энергетической безопасности Китая.

Все эти факторы в совокупности делают геополитическое положение КНР в Центральной Азии на современном этапе более активным.

Таким образом, Китай фактически столкнулся с новыми и беспрецедентными для себя вызовами безопасности. В этом контексте можно отметить, что в перспективе два основных фактора могут в значительной степени определять новую политику Китая в Центральной Азии. С одной стороны, это усиление позиций США в регионе, с другой – определенные тенденции сближения России и Китая.

⁵⁵ Аюшиева Е.Б. Геополитические интересы России и Китая в Центральноазиатском регионе. автореф. дис. Москва – 2003. – 20 с.

Необходимо иметь в виду, что политика КНР в отношении региона во многом будет определяться и детерминироваться характером взаимоотношений Китая с США и Россией. Без активного участия Китая или, по крайней мере, без учета его интересов в обеспечении безопасности и стабильности ни одна система региональной безопасности в Центральной Азии не будет достаточно действенной и перспективной.

Китай будет постоянно искать партнеров (прежде всего, в лице России) для противовеса Америке и пытаться наращивать свое присутствие в Центральной Азии.

Нынешнее положение российско-американских отношений в связи с украинским кризисом облегчают Пекину задачу партнерства с Россией. Экономические контракты с Москвой в сфере энергетики и транспорта свидетельствуют об огромном потенциале данного партнерства. Однако в этом партнерстве Китай имеет более предпочтительные возможности с точки зрения как положения в международных отношениях, так и уровня экономического развития. КНР вряд ли присоединится к ЕАЭС, т.к. планирует развивать свой амбициозный проект Великого шелкового пути, что может со временем перетянуть реальных и потенциальных партнеров России по тому же ЕАЭС (включая и страны Центральной Азии).

Таким образом, Китай испытывает особый интерес к данному региону в контексте возрастающих экономических интересов, ресурсных потребностей, транзитных перспектив и вопросов безопасности. Китай заинтересован в сохранении нескольких относительно независимых государств в Центральной Азии, но не имеет возродившуюся и сильную Россию. Новые государства региона служат для Пекина неким буфером между ним и Россией. Вместе с тем Китай беспокоят процессы роста тюркского национализма в собственной провинции Синьцзян, где уйгуры могут увидеть в центральноазиатских республиках привлекательный для себя пример.

Глава 2. Деятельность КНР в Центральной Азии

2.1. Политика КНР в регионе

В течение длительного периода существования СССР Китай продолжал признавать ключевую роль России в регионе. В этой связи неудивительно, что исчезновение СССР потребовало срочного изменения внешнеполитической стратегии Китая в отношении центральноазиатского региона. Вообще стоит отметить, что стремительный процесс обретения независимости центральноазиатскими странами и параллельный с этим процесс уход из региона России стали для китайского руководства большой неожиданностью.

В связи с этими событиями Китай в первую очередь интересовали вопросы национальной и региональной безопасности, которые могли бы отразиться на СУАР в недалеком будущем. Среди них можно выделить Гражданскую войну в Таджикистане, а также сложную обстановку в Афганистане. При этом у Китая все еще отсутствовала готовая стратегия в отношении Центральной Азии, поэтому китайским властям приходилось действовать ситуативно.

В числе первых шагов международной политики Китая в регионе можно выделить такие, как 1) установление дипломатических отношений с новообразованными государствами; 2) урегулирование различных споров (например, территориальных), доставшихся в наследство от СССР, 3) переговоры по вопросу уйгурского сепаратизма, главной угрозы территориальной целостности КНР. Все это увенчалось формированием договорно-правовой основы взаимоотношений КНР и центральноазиатских республик. В начале 1992 г. КНР установила дипломатические связи с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном.

Вследствие того, что основной повесткой дня для Китая в Центральной Азии был вопрос безопасности СУАР в частности, и западных границ Китая в целом, то наиболее активному развитию были подвержены отношения с Казахстаном и Киргизией, так как именно эти страны имеют с Китаем

протяженную сухопутную границу. Также в них имеется достаточно большая уйгурская диаспора (более 300 тыс. чел.). В свете вышесказанного неудивительно, что уже в 1992 г. начали обсуждаться вопросы спорных территорий и пограничной линии между Китаем и этими двумя странами.

В начале 1990-х гг. экономическое сотрудничество со странами Центральной Азии не было приоритетным направлением внешней политики КНР. Стоимость товарооборота между странами региона и КНР в период 1992-1995 гг. колебалась на уровне 350-520 млн. долларов. Основными торговыми партнерами Китая в регионе оставались Казахстан и Киргизия, поскольку только они имели прямое транспортное сообщение с Китаем, что позволяло им иметь монополию на торговлю китайскими товарами в регионе.

В этот начальный период отношения Китая с государствами Центральной Азии развивались в двустороннем формате, что позволяло достаточно быстро и эффективно решать стоявшие тогда в повестке дня вопросы в сфере безопасности, а также иметь четкое представление о ситуации по каждой отдельной стране.

Однако уже в октябре 1992 г. в Минске была создана рабочая группа (4+1), задачей которой было решение пограничного вопроса. В ее состав вошли Китай, Россия, Киргизия, Казахстан, Таджикистан. Впоследствии это объединение стало основой для создания в 1996 г. межгосударственной организации под названием «Шанхайская пятерка»⁵⁶.

Таким образом, КНР в первой половине 90-х гг. проводила достаточно осторожную политику в центральноазиатском регионе и только присматривалась к будущим партнерам, оценивая возможные риски и угрозы. Несмотря на кажущуюся для многих «нерешительность», именно в это время были заложены предпосылки для дальнейшего развития и

⁵⁶ Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3879 (дата обращения: 15.05.2020).

углубления взаимоотношений Китая с республиками Центральной Азии не только в сфере безопасности, но и в сфере политического и экономического сотрудничества.

Во второй половине 1990-х гг. КНР идет на пересмотр своей внешней политики в отношении региона. Этому способствуют такие факторы, как тайваньская проблема, нарастание противоречий с США, а также финансовый кризис в Юго-Восточной Азии. Беспокойство у КНР вызывало и формирование однополярной системы международных отношений во главе с США.

Постепенно Пекин начинает формировать новую внешнеполитическую стратегию КНР в условиях нарастающей глобализации для обретения «страной статуса великой державы, которая структурирует международную систему», «поддержки благоприятных внешних условий для китайских реформ» и «препятствия в стремлении помешать подъему Китая»⁵⁷.

Отныне Китай приступает к активной внешней политике в отношении Центральной Азии. К этому моменту стали явными основные угрозы – экстремизм, терроризм, исламский радикализм, уйгурский сепаратизм, наркотрафик, национализм и др., беспокоившие абсолютно все государства региона. Особенно Китай беспокоила тенденция роста уйгурского сепаратизма, активно проявлявшегося как на территории региона, так и на западе СУАР. Другой проблемой, тревожившей Китай, была ситуация вокруг Афганистана, постепенно превращавшегося в зону постоянных боевых действий.

В то же время Китай начал четко обозначать к свой интерес к энергетическим ресурсам региона. В середине 90-х гг. Центральная Азия по разведанному объему нефти и газа оказалась вторым «Персидским заливом». Возраставшие потребности экономики Китая в углеводородах

⁵⁷ Мамонов М.В. Стратегия «профилактики опасности» во внешней политике КНР // Международные процессы (Россия). – 2007. – № 3. – С. 28-43.

актуализировали проблему выхода Китая на сырьевые рынки центральноазиатского региона.

В 2000 г. Китай принимает стратегию «Большого освоения запада», в которой большое внимание уделяется Центральной Азии. Богатый ресурсами регион, по замыслу китайских властей, должен способствовать ускоренному развитию западных районов Китая. Тем самым должна быть решена проблема экономического отставания западных и центральных районов от приморских территорий. Кроме того, в рамках данной стратегии СУАР позиционируется в качестве плацдарма для продвижения китайских товаров и услуг на центральноазиатский рынок⁵⁸.

Для решения данных задач и перехода на новый, более качественный, уровень отношений в 1996 г. по инициативе Китая и России на базе рабочей группы «4+1» была создана новая межгосударственная площадка под названием «Шанхайская пятерка», куда вошли Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Позже, в соответствии с Декларацией от 15 июня 2001 г., на ее базе была создана Шанхайская организация сотрудничества⁵⁹, в которой лидирующие позиции заняла КНР.

На первом этапе в приоритете для стран ШОС были проблемы безопасности и военного сотрудничества. При этом продолжался и переговорный процесс по делимитации границ КНР с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, завершившийся подписанием соглашений в 1996 и 1997 гг. в Шанхае и Москве⁶⁰.

Сотрудничество в военной сфере было активизировано после того, как боевики Исламского движения Узбекистана (ИДУ) попытались проникнуть на территорию Узбекистана и Киргизии в 1999-2000 гг. Было налажено

⁵⁸ Ван Чаолин, Савкович Е.В. Формирование пояса развития в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в начале 2010-х гг // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 55. – С. 95.

⁵⁹ Декларация о создании ШОС (15.06.2001 г.). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?id=37>. (дата обращения: 15.05.2020).

⁶⁰ Савкович Е.В. Пограничное урегулирование на западе КНР в 1990–2000-е гг. (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 336. – С. 88.

сотрудничество по линии военных и правоохранительных ведомств, странам Центральной Азии со стороны Китая была оказана военная помощь.

Таким образом, в течение достаточно короткого периода Китай сумел приобрести статус равного партнера России в регионе, став одним из гарантов безопасности в регионе.

Терракты 11 сентября 2001 г. и последовавшие за ними события в мире (войны в Ираке, Афганистане и параллельный с ними процесс расширения американского присутствия в регионе) стали угрожать стабильности в Центральной Азии и побудили Китай начать политику отстаивания своих интересов в регионе. Основной упор был сделан на укрепление диалога между странами через Шанхайскую организацию сотрудничества. Главными задачами ШОС являлись 1) укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участники, включающем и центральноазиатский регион, 2) борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, 3) развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия.

С 2006 г. КНР все больше выступает с идеей расширения экономического сотрудничества в рамках диалога ШОС. Пекин предложил создать зону свободной торговли и региональную транспортную сеть.

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. способствовал выходу на первый план вопросов экономического и инвестиционного характера в китайско-центральноазиатских отношениях.

В 2013 г. Китай представил программу экономического развития Центральной Евразии под названием «Экономический пояс “Шелкового пути”» (ЭПП). В дальнейшем она переросла в глобальный транзитный проект Китая по созданию условий и обеспечению стабильных экономических взаимоотношений между Западом и Востоком в большей степени посредством южного транзита в Центральной Азии и в меньшей степени через северный транзит по территории России.

В последнее время Китай активно лоббирует проекты строительства железнодорожных магистралей. Один из них – «Китай – Киргизия – Узбекистан». Эта магистраль должна соединить китайскую железнодорожную сеть с Узбекистаном и далее через территорию Афганистана, Ирана и Турции – с европейской сетью железных дорог.

Таким образом, преимущественно мирные интересы КНР в изучаемом регионе в большей степени сосредоточены на решении проблем внутреннего характера посредством использования ресурсного потенциала Центральной Азии.

Для более детального анализа политики Китая в данном регионе считаем необходимым изучить опыт взаимоотношений Китая с каждой из стран Центральной Азии.

Китай – Казахстан. Дата установления дипломатических отношений – 27 августа 1992 г. Протяженность государственной границы между странами составляет более 1782 км⁶¹. В КНР проживает порядка 2 млн. этнических казахов.

26 апреля 1994 г. между КНР и Казахстаном был заключен договор «О казахстанско-китайской государственной границе»⁶². Основная роль в казахстано-китайских отношениях уделяется стратегическому сотрудничеству, при этом Китай в большей степени заинтересован энергетическим потенциалом богатой ресурсами республики. Сохранение правильного баланса сил между Китаем, Россией, Западом и тюрко-исламским миром составляет основу всей казахстанской внешней геополитики. Стоит также отметить, что именно через Казахстан прокладывается транспортный коридор Китай – Западная Европа.

⁶¹ Дмитриева М.О. Сравнительный анализ урегулирования границы Российской Федерации с Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой // Ойкумена – 2011. – № 3. – С. 88. С. 44.

⁶² Соглашение между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе от 26 апреля 1994 г. Сыроежкин К.Л. Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография. – В трех книгах. Книга 3. Сборник документов. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. – 2010. – 524 с.

В транспортной и нефтегазовой сфере КНР и Республика Казахстан реализуют несколько крупных инвестиционных проектов. К их числу относятся строительство транспортных коммуникаций между СУАР и Центральной Азией (Китай–Киргизия–Узбекистан) и строительство газопровода «Центральная Азия – Китай». Данный газопровод начинается в г. Гедаим, который находится на границе Туркменистана с Казахстаном, затем транзит газа проходит через Узбекистан и Казахстан и заканчивается в китайском пограничном пункте Хоргос на территории СУАР.

Инвестиционный пакет по добыче углеводородов в Казахстане включает в себя в основном нефтегазовый проект в Актобе, проект по разработке газонефтяного месторождения Северные Бузачи, проект по разработке пяти нефтяных месторождений, а также два проекта по разведке. Наряду с этим Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) является подрядчиком по строительству нефтепровода «Казахстан–Китай», нефтепровода «Кенкияк–Атырау», газопровода «Казахстан–Китай», установок для хранения и транспортировки нефти и газа и совместно с казахстанской стороной осуществляет их эксплуатацию.

В последнее время КНР заявляет о намерении перенести целый ряд производственных площадок на территорию Казахстана.

Китай – Узбекистан. Характерной чертой китайско-узбекистанских отношений является то, что они охватывают широкий спектр сотрудничества. Важным этапом в отношениях между двумя странами стал государственный визит президента Узбекистана Ислама Каримова в КНР 25–27 мая 2005 г. В ходе него был подписан Договор о партнерских отношениях дружбы и сотрудничества⁶³. Этот основополагающий документ открыл широкие перспективы в сотрудничестве между Китаем и Узбекистаном в торговой, инвестиционной, культурной и других сферах. В 2010 г. во время визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в Узбекистан была подписана

⁶³ Договор о партнёрских отношениях дружбы и сотрудничества между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой от 25 мая 2005 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/2059800> (дата обращения: 15.05.2020).

Совместная декларация о всестороннем углублении и развитии партнерских отношений дружбы и сотрудничества.

С каждым годом между странами расширяется инвестиционное сотрудничество, что отражается на росте числа китайских компаний в Узбекистане. На сегодняшний день в республике насчитывается 347 предприятий с китайским участием, из которых 57 имеют стопроцентный китайский капитал; открыты представительства 64 компаний КНР. Среди них можно выделить такие компании, как «СИТИК», «Чайна Машинери Корпорейшн», «Хуавей», «Шанхай Белл».

Успешно функционируют такие предприятия, как Кунградский содовый завод, Дехканабадский завод калийных удобрений, построенные с привлечением китайских специалистов. Хорошо зарекомендовали себя в Узбекистане поставленные Чжучжоуской электровозостроительной компанией современные высокоскоростные электровозы.

Уверенный ход набрало и двустороннее сотрудничество Узбекистана и КНР в сфере энергетики. Об этом свидетельствует реализуемый сегодня с китайскими партнерами совместный инвестиционный проект газопровода «Узбекистан – Китай».

Узбекистан является одним из главных звеньев международного транзитного железнодорожного коридора «Китай – Центральная Азия – Европа». В 2016 г. в Узбекистан завершили строительство электрифицированной железнодорожной линии «Ангрен–Пап» общей стоимостью в 1,68 млрд. долларов. Строительство железнодорожного тоннеля через перевал Камчик осуществляла китайская компания China Railway Tunnel Group, при этом стоимость проекта составила 455 млн. долларов.

Китай – Киргизия. Дата установления дипломатических отношений 5 января 1992 г. Общая длина государственной границы между странами равна 858 км. Китайских инвесторов привлекают гидроресурсы, в первую очередь каскад Сарыджазских и Камбаратинских ГЭС. В сфере их интересов также

прослеживается строительство линии электропередачи в Кашгаре (СУАР), сооружение теплоэлектростанций, работающих на угле, а также реконструкция существующих ГЭС и ТЭС.

Зона свободной торговли «Нарын» привлекает значительное число китайских инвесторов, предприятия которых стали доминировать в доле импорта Киргизии и экспорте мелких товаров. Большая часть этой международной торговли приходится на бартер товаров привезенных этническими киргизами или казахами, гражданами КНР. Правительство Киргизии периодически выражает тревогу по поводу количества китайских граждан, проживающих в Нарыне и других частях Киргизии. Наиболее важной частью торговых отношений между двумя странами является реэкспорт китайских товаров в соседний Узбекистан (в основном через г. Кара-Суу), а также в Казахстан и РФ (в основном через г. Бишкек).

Благодаря своей языковой и культурной близости с ханьцами сравнительно небольшая диаспора дунган Киргизии играет значительную роль в торговле между двумя странами. В результате прошедшей в 2005 г. Тюльпановой революции в Киргизии Китай развернул дополнительные боевые силы на границе. Осенью 2010 г. были проведены совместные китайско-киргизские антитеррористические учения, задействовавшие порядка 1000 солдат из сухопутных войск обеих стран.

После выхода Киргизии из состава СССР КНР в 1992 г. заявила о необходимости подписания нового договора о границе и пересмотре некоторых демаркационных линий. Киргизия двумя соглашениями о делимитации государственной границы, подписанными в 1996 и 1999 гг., передала Китаю порядка 125 тыс. гектаров своей территории.

Китай – Туркменистан. Сотрудничество развивается главным образом в нефтегазовой сфере. Ведется работа над проектом разработки нефтяного месторождения Кум-Даг на правом берегу реки Амударьи.

Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) оказывает Туркмении различные инженерно-технические услуги такие, как бурение

скважин, каротаж скважин и др. В апреле 2007 г. CNPC заключила договор с государственной геологической компанией Туркменистана, согласно которому должна была оказывать буровые услуги на 12 скважинах природного газа сроком в течение 3 лет.

В 2012 г. были успешно реализованы проекты по обустройству системы сбора и транспортировки на газовом месторождении Метеджан, а также строительству газоперерабатывающего завода «Галкыныш».

3 сентября 2013 г. было подписано соглашение о строительстве четвертой нитки газопровода «Туркмения–Китай». В настоящее время транспортировка газа происходит по двум ниткам газопровода «Туркмения–Узбекистан–Казахстан–Китай», который был сдан в эксплуатацию в декабре 2009 г. Сырьевой базой для поставок газа станет месторождение Галкыныш (группа месторождений Южный Иолотань, Осман, Минара и Яшлар).

Китай – Таджикистан. После того, как Таджикистан обрел статус независимой страны, в 1992 г. КНР заявила о необходимости подписания нового договора о границе и пересмотра некоторых участков демаркации между двумя странами.

13 августа 1999 г. между двумя странами было подписано соглашение «О таджикско-китайской государственной границе»⁶⁴. В мае 2004 г., согласно подписанному правительствами Китая и Таджикистана соглашению, был открыт первый контрольно-пропускной пункт на китайско-таджикистанской границе – КПП «Карасу». 12 января 2011 г. Высшее собрание Таджикистана проголосовало за передачу КНР тысячи квадратных километров спорных территорий в горах Памира.

Китай оказывает существенную помощь молодой республике в развитии ее экономики. Так, в 2012 г. Таджикистан получил от Китая гранты, техническую помощь и кредиты по льготным ставкам почти на 1 млрд. долларов.

⁶⁴ Соглашение О таджикско-китайской государственной границе от 13 августа 1999 г. // Сборник совместных официальных документов КНР и ЦА. Пекин. — 2008. — С.20-22.

В Таджикистане функционируют китайско-таджикистанские предприятия «Зерафшон» и «Зарнисор», занимающиеся добычей золота, серебра и свинцово-цинковых руд. В 2006–2009 гг. Таджикистан с помощью Китая построил две линии электропередачи.

Китай также активно модернизирует транспортную инфраструктуру Республики Таджикистан по оси Запад–Восток наряду с инфраструктурой Казахстана для дальнейшего увеличения китайских поставок в регион. В 2006 г. Китай предоставил Республике Таджикистан 281,2 млн. долларов на реконструкцию автомобильной дороги «Душанбе–Худжанд–Чанак». В 2010 г. дорога была введена в эксплуатацию. Кроме того, в сентябре 2015 г. были завершены работы по ремонту и модернизации автомобильной магистрали «Душанбе–Турсунзаде–Узбекистан» протяженностью в 61,5 км. Хотя Китай и не принимал прямого участия в финансировании проекта, по итогам тендера подрядчиком была выбрана китайская China Road and Bridge Corporation.

2.2. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики КНР в регионе

Сегодня Китай все больше и больше подвергается влиянию процессов модернизации и глобализации. Экономические реформы, начатые в 1978 г. Дэн Сяопином, стали причиной превращения Китая в одну из крупнейших и привлекательных экономик мира. Китай является одним из образцов трансформации, так как стремительный экономический рост не только сделал Китай привлекательным местом для иностранных инвесторов, но и позволил ему стать одним из основных потребителей товаров и услуг на мировом рынке⁶⁵.

⁶⁵McGiggert C. Chinese soft power and its implications for the United States: competition and cooperation in the developing world, a report of the CSIS smart power initiative (Мягкая сила Китая и ее значение для США) // edited by Carola McGiffert, – W.: Center for Strategic and International Studies. – 2009. – С. 129

В связи с кардинальными изменениями геополитической картины мира, произошедшими в конце 1980-х – 1990-е гг., изменением международного положения самого Китая руководство страны вынуждено было прибегнуть к поиску новых геополитических концепций во внешней политике и дипломатии.

С начала 2000-х гг. китайские ученые-обществоведы начали употреблять термин «мягкая сила» применительно к общей национальной стратегии КНР, направленной на создание положительного имиджа страны.

За прошедшее десятилетие в лексический обиход дипломатов, других чиновников и официальных лиц, так или иначе связанных со сферой международных отношений, особенно, с ее геополитической плоскостью, плотно вошел термин «мягкая сила», используемый в самом широком контексте. Достаточно быстро термин успел «перекочевать» в лексикон средств массовой информации и даже в повседневное общение людей, интересующихся и следящих за современными международными отношениями.

Впервые термин “мягкая сила” (англ. “soft power”) был введен в научный оборот Джозефом Наем – американским политологом, профессором Гарвардского университета.

Джозеф Най во многом создал свою концепцию, опираясь не только на результаты своих теоретических изысканий, но и на знания, полученные за годы своей работы в Пентагоне, Госдепартаменте США, Национальном совете по разведке и Комитете ООН по проблемам разоружения. Выпускник престижного Принстонского университета и преподаватель Гарвардского университета с сорокалетним стажем, он по праву считается одним из наиболее известных специалистов в сфере изучения международных отношений. Используя понятие «силы» в своих более ранних работах профессор Дж. Най, постепенно сформулировал собственную теорию силы,

изложив ее в своей книге «Мягкая сила» /"Soft Power" (2004).⁶⁶ Согласно предложенной им теории, «soft power» - «способность убедить других хотеть того же, чего хочешь ты или как непрямой/вовлекающий (co-optive) метод осуществления власти»⁶⁷. То есть «мягкая сила» - это метод получения желаемого, привлекая, а не заставляя.

Таким образом, в понятие «мягкой силы» входит способность государства влиять на другие государства для реализации собственных целей через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия⁶⁸. В этом состоит ее отличие от так называемой «жесткой силы», которая рассматривает в качестве основного метода реализации целей своей внешней политики принуждение.

Также, по словам Джозефа Ная, язык и культура страны являются «мягкой силой», которая играет важную роль в международных отношениях, влияя прямо или косвенно на мировую политику и деловые связи.

Согласно китайскому исследователю Чжан Лихуа, китайские власти стремятся распространить на международном уровне «мышление мира и гармонии, характерное для китайской культуры», поскольку Пекин всегда следовал принципу «добродетельного управления», берущему свое начало в конфуцианской идеологии⁶⁹.

В мировой практике, включая китайскую, тремя составляющими «мягкой силы», называют 1) гуманитарное сотрудничество, 2) народную и/или публичную дипломатию, 3) усилия по созданию позитивного имиджа страны за рубежом.

Тем не менее, данные составляющие, могут действительно стать «мягкой силой» только в том случае, если они дополнятся четвертым элементом – мировоззренческой установкой выработавшего его государства.

⁶⁶ Nye, J. Soft Power: The Means to Success In World Politics (Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике) / J. Nye. : Publicaffairs, 2004. — 191 с.

⁶⁷ Nye, J. The Paradox of American Power (Парадокс американской силы) / J. Nye. : Oxford University Press, 2002. — 222 с.

⁶⁸ Nye, J. The Future of Power (Будущее власти) / J. Nye. : Publicaffairs, 2011. — 320 с

⁶⁹ Zhang Lihua. Beijing Focuses on Soft Power [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://carnegiesinghua.org/> 2014/04/28/beijing-focuses-on-soft-power/h9gi (дата обращения: 15.05.2020)

На основании таких установок государство, применяя потенциал своих морально-этических и культурных ценностей, а также модель социально-экономического развития, может побудить партнеров следовать в русле его политики не по принуждению, а вследствие его общественно-политической и культурной привлекательности.

Таким образом, «мягкая сила» – это еще и процесс овладения умами населения страны-контрагента настолько, что оно не просто начинает одобрять образ жизни и образ действия государства-партнера, но и добровольно принимает их в качестве модели для подражания⁷⁰.

В 2007 г., по инициативе председателя КНР Ху Цзиньтао, Китай придал публичной дипломатии более весомое значение в своей внешнеполитической работе. В свою очередь, в октябре 2011 г. на VI пленуме ЦК КПК 17-го созыва была принята стратегия «могущественного культурного государства», в немалой степени основанная на реализации возможностей «мягкой силы». В постановлении пленума была указана задача «осуществлять стратегию выхода культуры вовне, непрерывно повышать международное влияние китайской культуры, демонстрировать миру новый образ реформ и открытости Китая и высокий духовный облик китайского народа». Также было указано на необходимость в более широком познании мировым сообществом «базовой национальной специфики, ценностных воззрений, пути развития, внутренней и внешней политики Китая», что является задачей уже не просто публичной дипломатии, а «мягкой силы» государства.

Видимо, во исполнение этой инициативы КНР выдвинула в период после 2012 г. целый ряд новых социокультурных, имиджевых и экономических концепций: «китайская мечта», «азиатско-тихоокеанская мечта», «новый тип отношений между крупными державами», «сообщество общей судьбы», «новое взаимодополнение морали (справедливости) и выгоды».

⁷⁰Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. – 2014. – № 2. – С. 99.

Что касается основных направлений применения Китаем политики «мягкой силы», то их можно выделить семь:

1. Распространение китайского языка;
2. продвижение традиционной и современной культуры Китая;
3. углубление и расширение образовательных контактов;
4. научно-техническое сотрудничество;
5. поддержка международного развития;
6. публичная дипломатия;
7. поддержка соотечественников, живущих за рубежом.

По мнению Джозефа Ная, наибольший эффект в политике «мягкой силы» Китая демонстрирует культурное воздействие⁷¹. Традиционная китайская культура всегда имела свою особую привлекательность. На данный момент в мире насчитывается порядка 400 Институтов Конфуция, обучающих иностранцев китайскому языку и пропагандирующих среди них культуру Китая.

В 2007 г. увеличение «мягкой силы» было названо приоритетом внешней политики Китая. Этому должна была способствовать реализация трех компонентов: экономической, народной и культурной дипломатии. Таким образом, с конца 2000-х гг. наращивание «мягкой силы» рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики КНР⁷². Однако распространение мягкой силы включает в себя не только продвижение своей культуры, но и продвижение политических ценностей (например, модель «Пекинского консенсуса», предполагающая экономическое развитие в условиях авторитарного правления).

В концепции китайского варианта «мягкой силы» выделяют три основных направления, первым из которых является проведение политики безопасности, направленной на предотвращение обострения международной

⁷¹Джозеф Най. Чего Китай и Россия не понимают в «мягкой силе». [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html>. (дата обращения: 15.05.2020)

⁷²Мишина С.И. Пекинский вариант «мягкой силы» // Азия и Африка сегодня. – 2011. – №3. – С. 19.

обстановки. В соответствии с ним КНР стремится дистанцироваться от любых военных конфликтов, если они не затрагивают напрямую ее территориальные интересы, как в случае Тайваня или островов в Южно-Китайском море. Вторым направлением является оказание помощи другим странам в экономической и социальной областях, здравоохранении, образовании, гуманитарной сфере. В отличие от Запада, также предоставляющего подобную помощь при условии демократизации и усиления открытости, Пекин не связывает предоставление помощи с политическими и идеологическими вопросами. Третье направление представляют собственно мероприятия культурного характера, призванные продемонстрировать всему миру современные достижения КНР.

В рамках третьего направления Китай развивает по всему миру сеть Институтов Конфуция, курируемых учрежденным еще в 1987 г. ведомством Ханьбань – государственным органом по продвижению китайского языка за рубежом. Их прообразом стали аналогичные институты западных стран, такие как немецкий институт Гёте и испанский институт Сервантеса. Начало открытия Институтов Конфуция было положено в 2004 г. с Республики Корея.

Главной базой, с которой Китай стал распространять свое культурное влияние в Центральной Азии, стала столица Синьцзяна – г. Урумчи. С 2010 г. здесь начала свою работу специальная база по распространению китайского языка в странах региона. На территории Центральной Азии на сегодняшний день создано около полутора десятков Институтов Конфуция, которые продолжают активно развиваться.

Так, в декабре 2014 г. открылся Институт Конфуция в г. Самарканде, в августе 2015 г. очередной Институт Конфуция открылся на базе Горно-металлургического института в городе Чкаловск Согдийской области Таджикистана. В феврале 2017 г. были подписаны соглашения об открытии трех классов Конфуция на базе некоторых учебных заведений Ошской области Кыргызстана – Ошского технологического университета, Ошского

гуманитарного педагогического института, а также лицея «Билим» при Ошском государственном университете. Кроме того, в Бишкеке с 1 сентября 2017 года открылась первая построенная на средства КНР кыргызско-китайская школа на 1000 учеников.

Свое культурное влияние в Центральной Азии Пекин расширяет в том числе и путем обучения местной молодежи в китайских вузах. По этому показателю лидирует Казахстан, активно направляющий своих граждан для обучения за рубеж.

По данным Министерства образования КНР за 2015 г., численность казахстанских студентов в Китае достигла 13,2 тыс., увеличившись за предыдущие 10 лет в 3,5 раза.

Численность кыргызских студентов в Китае по данным за январь 2015 г. составляла около 10 тыс. человек, в свою очередь, численность китайских студентов в Кыргызстане равнялась 1 тыс. Около 2 тыс. студентов изучают китайский язык в Бишкекском гуманитарном университете, около 1,2 тыс. – на Кыргызско-Китайском факультете Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына.

По данным Минобрнауки Таджикистана, в 2013/2014 учебном году в китайских вузах по выделенным КНР квотам обучались 122 таджикских студента, а следующем году их число удвоилось. В 2015/2016 учебном году Китай выделил для граждан Таджикистана 64 места для обучения на языковых курсах, 105 мест – для обучения по программам бакалавриата и 20 мест – по программам магистратуры. В свою очередь, через год возможность обучаться в КНР за счет китайского бюджета получили 298 граждан Таджикистана⁷³.

В самом Таджикистане функционируют два центра Конфуция. В первом из них, открывшемся в 2009 г. при Таджикском национальном

⁷³Александр Шустов. Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии. «Евразия.Эксперт». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 10.03.2020).

университете, за 10 лет прошли обучение 10 тыс. человек. Второй центр открылся в прошлом году в Чкаловске и готовит специалистов для горно-металлургической и нефтяной промышленности.

Другим элементом стратегии мягкой силы во внешней политике явился проект «Один пояс, один путь».

Курс на реализацию стратегии «Один пояс, один путь» с двумя ее составляющими – сухопутным Экономическим поясом Шелкового пути (ЭПШП) и Морским Шелковым путем XXI века (МШП-21) – не только органично вписывается в доктрину мягкой силы, но и знаменует собой принципиально новую фазу внешнеполитической активности Китая. На Беооском азиатском форуме в марте 2015 г. министр иностранных дел КНР Ван И назвал стратегию «фокусом» китайской внешней политики.

В официальных китайских документах вполне четко просматривается идея о высоком «мягкосиловом» значении «Пояса и пути». Так, в КНР полагают, что в XXI веке, когда процесс восстановления мировой экономики идет «вялыми и медленными» темпами и мировая обстановка остается сложной, особенно важно продолжать и развивать в новых реалиях основную ценность «старого» Великого Шелкового пути, которая в первую очередь усматривается в «мире и сотрудничестве, открытости и толерантности, взаимном заимствовании и обмене опытом», а также во взаимной выгоде и общем выигрыше.

Подчеркивается, что проект «Один пояс, один путь» (далее – проект) поможет странам-участницам расширить процессы гуманитарных обменов и взаимообогащения культур во имя большего взаимодоверия и взаимоуважения, международной гармонии, спокойствия и достатка .

Принципами стратегии называются открытость, согласие и толерантность, инклюзивность разных цивилизаций, уважение выбора пути и модели развития каждого государства, активизация межкультурного диалога, стремление к общности при сохранении различий,

взаимозаимствовование полезного, расширение гуманитарных обменов, мирное сосуществование и общее процветание⁷⁴.

Стоит отметить тот факт, что в Китае особо отмечают необходимость подведения под инициативу «Один пояс, один путь» социальный фундамент путем достижения «близости и взаимопонимания» между простыми людьми. Практическими направлениями этой задачи определены культурные, научные обмены, обмены кадрами, студентами и преподавателями, организация совместного обучения, сотрудничество СМИ, контакты по линии молодежных и женских организаций, туризм, проведение на взаимной основе годов культуры, спортивных мероприятий, различных тематических фестивалей с участием стран «Пояса и пути», выпуск и перевод качественной продукции радио- и телевизионного вещания и т.д. В этом же ряду находятся и сотрудничество в области обмена информацией по вопросам инфекционных заболеваний, обмен технологиями профилактики эпидемий и подготовки квалифицированных специалистов, наращивание потенциала реагирования на чрезвычайные ситуации, благотворительные мероприятия по поддержке образования и здравоохранения.

Один из китайских ученых, разрабатывавших теоретические подходы к концепции ЭПШП, профессор Университета Цинхуа Ху Аньган, учитывая новые геоэкономические условия, выдвинул идею зон, из которых будет состоять ЭПШП. Согласно Ху Аньгану,⁷⁵ ЭПШП в западном направлении будет состоять из трех зон. «Ядром» проекта является Центральная Азия, следующая зона – прилегающие к «ядру» территории России и стран Южной Азии, Среднего и Ближнего Востока. И последняя по удалению от Китая зона – район освоения, включающий Восточную и Западную Европу, а также Северную Африку.

⁷⁴ Dobra-Manço, Yasemin. China's foreign policy and Silk Road initiatives spur cultural diplomacy. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.silkroadencyclopedia.com/OBORChinaSilkRoadRoutesRevival.htm> (дата обращения: 15.05.2020)

⁷⁵ Ху Аньган, Ма Вэй, Янь Илун. «Сычоу чжи лу цзинци дай»: чжаньлюэ нэйхань, динвэй хэ шисянь луцзин [Экономический пояс Шелкового пути: стратегическое содержание, место и пути осуществления] // Цюйюй юй чэнши цзинци. – 2014. – №5. – С. 3–13.

Таким образом, «ядром» или центральной зоной реализации концепции ЭПШП назначены постсоветские республики Центральной Азии.

Стратегическими целями ЭПШП в центральноазиатском регионе являются: безопасность; стабильность; доступ к источникам энергии; расширение торгово-экономических связей.

Эти цели коррелируются с разработанной еще в начале XXI в. стратегией взаимодействия с ЦАР. Задачами центральноазиатской стратегии КНР, прежде всего – в экономической сфере, где, по мнению китайских экспертов, наиболее выпукло проявляется стратегическое значение Центральной Азии для КНР, называются:

- получение доступа к ресурсному потенциалу Центрально-азиатского региона путем интенсификации торгового обмена и участия в разработке залежей нефти, газа, месторождений других природных ресурсов региона, импорта электроэнергии;

- продвижение товаров на центральноазиатские рынки, а также на рынки Европы, Ближнего и Среднего Востока транзитом через ЦАР, а в перспективе и переориентация основных евразийских торговых потоков на Китай;

- активное участие в развитии новых трансконтинентальных транспортных коридоров.

Использование мягкой силы в Центральноазиатской регионе проявляется в первую очередь в интересе Китая ко всем пяти странам региона. На сегодняшний день ярким проявлением этого интереса можно назвать создание пяти крупных исследовательских центров для укрепления взаимодействия и сотрудничества в сфере сельского хозяйства, биотехнологий и других отраслей. Важно отметить, что эти центры будут созданы в г. Урумчи (СУАР). В эти пять исследовательских центров войдут: Центральноазиатский научный центр, Центральноазиатский центр сельского хозяйства, Центральноазиатский биологический центр, Центральноазиатский промышленный инкубаторский центр и Центральноазиатский центр

информационных технологий. В данном случае можно предположить, что такие «мозговые» центры – еще один инструмент «мягкой силы» как и Институты Конфуция.

Уже традиционным элементом мягкой силы для региона стали Институты Конфуция. Проект по созданию институтов Конфуция курируется правительственной Канцелярией КНР по распространению китайского языка в мире (кит. Ханьбань).

По данным за 2012 г., в 96 странах и регионах мира действовало 358 институтов и 500 классов Конфуция, в том числе в Азии - 65, Европе - 73, Америке - 51, Африке - 16, Океании - 6, в России - 12. К 2020 г. планируется довести общее число институтов Конфуция в мире до 1000. Институты Конфуция открываются при действующих за рубежом учебных заведениях. Благодаря широкой финансовой и кадровой поддержке из Пекина, институты Конфуция способны предложить привлекательные условия для желающих изучать китайский язык. Как правило, обучение там стоит недорого. По некоторым данным, Ханьбань ежегодно выделяет около 100 тыс. долларов на финансирование деятельности каждого института.

Заключение

К началу XXI в. КНР был накоплен серьезный экономический потенциал, позволивший ему выйти из тени и предложить миру новые глобальные концепции и проекты (например, концепции гармоничного мира Ху Цзиньтао и «китайская мечта» Си Цзиньпина). А из глобальных проектов, предложенных миру Китаем, мы можем отметить такие проекты как проект Один пояс – один путь, Экономический пояс Шелкового пути XXI в., Морской шелковый путь. Также стоит отметить, что во внешнеполитическом курсе КНР наблюдаются преемственность и взаимодополняемость внешнеполитических концепций, доктрин и принципов, что заметно обогащает внешнеполитические установки, корректирует их и делает более универсальными, направленными на рост благосостояния и устойчивого развития как самого Китая, так и мирового сообщества.

Важность региона Центральной Азии для КНР является неоспоримой и постоянно растущей, как мы можем судить по постоянному расширению сфер сотрудничества.

Интересы Китая в Центральной Азии обусловлены необходимостью поддерживать стабильность в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе, с целью предотвращения роста сепаратистских настроений в этот проблемный для Китая регион. Стоит также отметить крайнюю заинтересованность Китая в природных ресурсах региона, обеспечивающих ему ресурсную безопасность. Наконец, Китай продвигает интеграционные проекты в Азии с целью дальнейшего развития своей экономики.

Политика КНР в регионе не выходит за пределы экономической, торговой и инфраструктурной сферы и определяется в первую очередь внутренними потребностями сохранения стабильности и суверенитета, поддержания темпов экономического развития.

Начиная с конца 2000-х гг. наращивание «мягкой силы» рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений внешней

политики КНР, которое они в частности используют на территории Центральной Азии, путем распространения китайского языка и продвижения традиционной и современной китайской культуры.

Рассмотрев основные инструменты внешней политики Китая в Центральной Азии можно говорить о том, что Китай делает попытки укрепить собственную репутацию, формирует позитивный образ и вкладывает средства в расширение инструментов влияния для усиления в регионе не только посредством укрепления экономических и политических связей, но и посредством активного использования инструмента «мягкой силы».

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. Декларация о создании ШОС (15.06.2001 г.). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?id=37>. (дата обращения: 15.05.2020).
2. Договор о партнёрских отношениях дружбы и сотрудничества между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой от 25 мая 2005 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/2059800> (дата обращения: 13.03.2020).
3. Доклад Цзян Цзэминя на 16-м Всекитайском съезде КПК // Новости Коммунистической партии Китая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russian.cpc.people.com.cn/5774860.html> (дата обращения: 15.05.2020).
4. Дополнительное Соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе от 26 августа 1999 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17375> (дата обращения: 13.03.2020).
5. Ежегодный статистический справочник КНР National Bureau of Statistics of China. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> (дата обращения: 19.05.2020).
6. Канцелярия Советника по торгово-экономическим вопросам Посольства Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russian1.china.org.cn/russian/143324.htm>. (дата обращения: 22.05.2020).
7. Конституции Китая от 1982 года (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 15.05.2020).
8. Председатель КНР Си Цзиньпин о развитии Китая и его внешней политике // Международное радио Китая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/841/2013/03/19/1s461506.htm> (дата обращения: 15.05.2020).

9. Си Цзиньпин рассказал о китайской мечте. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://utro.ru/articles/2013/03/17/1107323.shtml> (дата обращения: 13.04.2020).
10. Соглашение между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе от 26 апреля 1994 г. Сыроежкин К.Л. Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография. – В трех книгах. Книга 3. Сборник документов. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. – 2010. – 524 с.
11. Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3879 (дата обращения: 15.05.2020).
12. Соглашение о таджикско-китайской государственной границе от 13 августа 1999 г. // Сборник совместных официальных документов КНР и ЦА. – Пекин. – 2008. – С. 20 - 22
13. Ху Цзиньтао, Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической Партии Китая (полный текст). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204.htm (дата обращения: 15.05.2020).
14. China's peaceful rise: Speeches of Zheng Bijian 1997-2004 (Мирный рост Китая: речи Чжэн Бицзяна) // The Brooking Institution Press. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.brookings.edu/wpcontent/uploads/2012/04/20050616bijianlunch.pdf> (дата обращения: 13.03.2020).

Литература:

15. Азмуханова А. М. Интересы Китая в Центральной Азии (аналитическая справка) / А. М. Азмуханова, Г. М. Джумадилова, Ж. Ж. Амзенова // Society and security insights – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 186–194.

16. Арсентьева И. И. Политика Китая в Центральной Азии и стратегия России / И. И. Арсентьева // Известия Саратовского университета. Международные отношения. – 2014. – Т. 14, № 2. – С. 85–89.
17. Ауган М. А., Буркутбаева С. Р. Роль и значимость региона Центральной Азии во внешней политике Китая / М. А. Ауган, С. Р. Буркутбаева // Вестник науки и образования. – 2017. – Т. 2, № 5. – С. 116–119.
18. Аюшиева Е. Б. Геополитические интересы России и Китая в Центральноазиатском регионе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук : 23.00.04 / Аюшиева Евгения Болотовна. — Москва, 2003. — 20 с.
19. Ван Чаолин. Формирование пояса развития в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в начале 2010-х гг / Ван Чаолин, Савкович Е.В. // Вестник Томского государственного университета. История – 2018. – № 55. – С. 94-99.
20. Васильев Л. Е. Некоторые аспекты политики Китая в Центральной Азии / Л.Е. Васильев // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2015. – № 20. – С. 114–118.
21. Голобоков А. С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая / А. С. Голобоков // Ойкумена. – 2010. – № 3. – С. 117–124.
22. Гулина Е. В. Внешнеполитический курс КНР: эволюция и тенденции развития / Е. В. Гулина // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2015. – № 5. – С. 22–31.
23. Дмитриева М.О. Сравнительный анализ урегулирования границы Российской Федерации с Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой // Ойкумена – 2011. – № 3. – С. 40–47.
24. Дьяконова М. А. Геополитические интересы Китая в Центральной Азии и Афганистане / М. А. Дьяконова, О. А. Тимофеев, Ф. Ф. Шарипов // 70 лет китайскому государству. – Москва, 2019.— С. 284–292.

25. Игитян М. Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России / М. Ю. Игитян // Власть. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 250–259.
26. Ларин А. Г. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» / А. Г. Ларин, В. А. Матвеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 5. – С. 5–15.
27. Лузянин С. Г. Центральная Азия. Сборник докладов «Вызовы безопасности в Центральной Азии» / С. Г. Лузянин.— Москва: ИМЭМО РАН, 2013.— 150 с.
28. Мавлонова А.С. Проблема уйгурского сепаратизма в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.15 : защищена 29.05.15 / Мавлонова Анна Сергеевна. — Москва, 2015. — 221 с.
29. Малышева Д. Б. Центральноазиатский узел мировой политики : монография / Д. Б. Малышева. — Москва : ИМЭМО РАН, 2010. — 100 с.
30. Мальцев А. Е. Особенности политики КНР в Центральной Азии в оценках российских и западных ученых / А. Е. Мальцев // Сравнительная политика. – 2012. – № 4. – С. 17–31.
31. Мамонов М. В. Инерция и новации во внешней политике Китая / М. В. Мамонов // Международные процессы. – 2010. – № 3. – С. 40–56.
32. Мамонов М. В. Система внешнеполитических приоритетов современного Китая / М. В. Мамонов // Современная мировая политика: Прикладной анализ. – Москва, 2009. — С. 415–437.
33. Мамонов, М. В. Стратегия «профилактики опасности» во внешней политике КНР / М. В. Мамонов // Международные процессы (Россия). – 2007. – №3. – С. 28–43.
34. Михневич С. В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая / С. В. Михневич // Вестник международных организаций. – 2014. – № 2. – С. 95–129.

35. Мишина С. И. Пекинский вариант «мягкой силы» / С. И. Мишина // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 3. – С. 19–24.
36. Най, Дж. Чего Китай и Россия не понимают в «мягкой силе» / Дж. Най. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html> (дата обращения: 15.05.2020).
37. Ордабаев А. Транспортные коридоры Южной Азии и Кавказа: доклад / А. Ордабаев. — Астана: Институт мировой экономики и политики при Фонде первого президента республики Казахстан — Лидера нации, 2016. — 48 с.
38. Парамонов В. Китай и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений / В. Парамонов. — Лондон : Conflict Studies Research Centre. Defence Academy of the United Kingdom, 2005. — 19 с.
39. Портяков, В. Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы: монография / В. Я. Портяков. — Москва : ИДВ РАН, 2013. — 134 с.
40. Поштитч М. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии / М. Поштитч // Сравнительная политика. – 2015. – № 3. – С. 85–103.
41. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. // Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции КНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 19.03.2020).
42. Савкович Е. В. Пограничное урегулирование на западе КНР в 1990–2000-е гг. (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) / Е. В. Савкович // Вестник Томского государственного университета – 2010. – № 336. – С. 86-92.

43. Сазонов С.Л. Центральноеазиатское направление транспортной стратегии Китая / С. Л. Сазонов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – № 22. – С. 274–288.
44. Тураева М.О. Основные транспортные проекты в Северной и Центральной Азии в контексте создания общего Евразийского экономического пространства / М. О. Тураева // Укрепление региональной интеграции развивающихся стран Северной и Центральной Азии, не имеющих выхода к морю, посредством соединяемому инфраструктуры: материалы международной конференции. – Кыргызстан. – 2015. С. 56-84.
45. Цзюнь Ч. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе / Ч. Цзюнь // Управленческое консультирование. – 2017. – № 3. – С. 164–171.
46. Шустов А. Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии / А. Шустов. [Электронный ресурс] –Режим доступа: <https://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 10.03.2020).
47. Chinese soft power and its implications for the United States: competition and cooperation in the developing world, a report of the CSIS smart power initiative (Мягкая сила Китая и ее значение для Соединенных штатов: конкуренция и сотрудничество в развивающемся мире) : report / edited by С. McGiffert. — Washington, D.C. : Center for Strategic and International Studies, 2009. — 129 с.
48. Dobra-Manço Ya. China's foreign policy and Silk Road initiatives spur cultural diplomacy (Внешняя политика Китая и инициативы Шелкового пути стимулируют культурную дипломатию) // Ya. Dobra-Manço. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.silkroutes.net/OBORChinaSilkRoadRoutesRevival.htm> (дата обращения: 11.05.2020).
49. Suisheng Zhao. Beijing's Perceptions of the International System and Foreign Policy Adjustment after the Tiananmen Incident (Восприятие Пекином

- международной системы и корректировка внешней политики после инцидента на площади Тяньаньмэнь) // Chinese Foreign Policy. Pragmatism and Strategic Behavior / Suisheng Zhao (ed.). – N.Y., 2004. – С. 141-145.
50. Mariani B. China's role and interests in Central Asia (Роль и интересы Китая в Центральной Азии) / B. Mariani. — Лондон : Safeword, 2013. — 21 с.
51. Nye, J. Soft Power: The Means to Success In World Politics (Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике) / J. Nye. : Publicaffairs, 2004. — 191 с.
52. Nye J. The Future of Power (Будущее власти) / J. Nye. : Publicaffairs, 2011. — 320 с.
53. Nye J. The Paradox of American Power (Парадокс американской силы) / J. Nye. : Oxford University Press, 2002. — 222 с.
54. Rumer R. Policy toward Central Asia 3.0. (Политика США в отношении Центральной Азии 3.0) / E. Rumer, R. Sokolsky, P. Stronski. — Washington, D.C. : Carnegie endowment for International Peace, 2015. — 35 с.
55. Zhang Lihua. Beijing Focuses on Soft Power (Пекин фокусируется на мягкой силе) / Lihua Zhang. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://carnegietsinghua.org/> 2014/04/28/beijing-focuses-on-soft-power/h9gi (дата обращения: 2.05.2020).
56. Hu Angang. Sichou zhi lu jingji dai': zhanlue neihan, dingwey he shixian lujiing (Экономический пояс Шелкового пути: стратегическое содержание, место и пути осуществления) / Angang Hu, Wei Ma, Yilong Yan // Qu yu chengshi jingji. – 2014. – № 5. – С. 3–13.

ОТЗЫВ

на выпускную квалификационную работу студента 4 курса 3 группы
очной формы обучения

Артай Шорааны Артуровны

на тему «Международная политика Китая в Центральной Азии»

Тема работы посвящена актуальной в настоящее время теме усиления позиций Китая на международной арене.

Работа написана на использовании широкого круга источников и научных исследований. Во введении представлен подробный историографический обзор литературы, источников, корректно определены цель, задачи исследования. В первой главе достаточно подробно рассмотрена проблема заинтересованности Китая в центрально-азиатском регионе, после распада СССР. Автор приходит к выводу, что в новейшее время китайское руководство заметно усиливается на этой территории.

Вторая глава раскрывает основные направления деятельности КНР в регионе. Автор привел в работе обширные данные из исследований российских и зарубежных авторов, которые обосновывают усиление южного соседа через экономическую политику. Китай сознательно выбрал именно такую стратегию внедрения в регион, не вмешиваясь в политическое управление. Подробно в работе изложены материалы о применении Китаем метода «мягкой силы» на основании нормативно-правовых, статистических источников.

В заключении работы сделаны обобщающие выводы о положении Китая в центрально-азиатском регионе.

Артай Шораана в процессе написании выпускной квалификационной работы показала себя дисциплинированным, творческим исследователем, владеющим научными навыками анализа. Все задания научного руководителя выполняла и своевременно устраняла все замечания по работе.

В целом, оформление работы соответствует предъявляемым требованиям к выпускным квалификационным работам. Работа может быть допущена к защите и заслуживает отличной оценки.

Научный руководитель,
к.и.н., доцент, зав. кафедрой
всеобщей истории,
археологии и документоведения
10.06.2020 г.

В.М. Дамдынчап

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: Дамдынчап Вера Монгушевна damdvera@yandex.ru / ID: 234
Проверяющий: Дамдынчап Вера Монгушевна (damdvera@yandex.ru / ID: 234)
Организация: Тувинский Государственный Университет

Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- <http://tuvsu.antiplagiat.ru>

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 162
Начало загрузки: 16.06.2020 11:26:55
Длительность загрузки: 00:00:12
Имя исходного файла: Артай Шораана
предзащита.docx
Название документа: Артай Шораана
предзащита
Размер текста: 1 кБ
Символов в тексте: 98072
Слов в тексте: 12081
Число предложений: 914

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
Начало проверки: 16.06.2020 11:27:08
Длительность проверки: 00:00:17
Корректировка от 16.06.2020 11:28:01
Комментарии: [Автосохраненная версия]
Модули поиска: Кольцо вузов, Коллекция eLIBRARY.RU, Цитирование, Сводная
коллекция ЭБС, Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU, Модуль поиска
ИПС "Адилет", Модуль выделения библиографических записей, Модуль поиска
переводных заимствований по elibrary (EnRu), Модуль поиска переводных
заимствований по интернет (EnRu), Коллекция ГАРАНТ, Модуль поиска "ТувГУ"

ЗАИМСТВОВАНИЯ

24,37%

САМОЦИТИРОВАНИЯ

0%

ЦИТИРОВАНИЯ

13,12%

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ

62,51%

